

— Коли ты не пожаловала свого дитяты, до ты й мене стратишь зъ свѣта.

„И вінъ не схотівъ її братъ. Вона такъ и жыла собі, да якъ наняла до себе Андрія, заразъ ёго й полюбыла, бо вінъ бувъ дуже гарный. Отъ вона ёму и каже:

— Ну, ты мѣни будешъ чоловікомъ.

„Вінъ согласывсь. Вони и повінчались.

„Андрей їй каже:

— Мѣні казали, шо мене найшли на річці у коробці, да въ мене бувъ розпоротый жывітъ да запылы мѣні.

„Марія тоді якъ заголосить:

— Ой Боже жъ мій, да це жъ ты мій сынъ!

„Да й розказала ёму, якъ вона зробыла. Андрей заразъ сказавъ, шобъ ёго спустили въ старый колодязь, де не було воды, да тамъ и живъ, нічого не івъ пѣтнадцять годъ; а Марія пійшла въ пустыню да тамъ и вмерла, нічого не івшы сімъ годъ. Якъ пійшли въ той колодязь, де живъ Андрей, до таеъ якъ живой сыдыть собі надъ проскурочкою, згорнувъ руки и очи закрьвъ, нежывый! Черезъ те ёго й назвали „Крыцьемъ“, шо вінъ у колодязі крывсь пѣтнадцять годъ безъ хліба! А Марію черезъ те назвали Ягыпецкою, шо вона жыла въ Ягыпті у пустыні сімъ годъ, да тамъ и вмерла, да її левы загребли“.

## Ч е р т и .

**Чортъ.** [*Литинскій уездъ*]. Въ престонародьї вѣрятъ, что очень многіе видѣли чертей. По большей части черти являются въ образѣ умершихъ людей, а часто и въ образѣ священниковъ. Всякій, кто только видѣлъ чорта и заговаривалъ съ нимъ, непременно пролежитъ нѣкоторое время больнымъ.

„Одинъ человекъ возвращаясь зимою, около десяти часовъ вечера, съ ярмарки, гдѣ продалъ овцу, вдругъ встрѣчаетъ ее на дорогѣ. Думая, что проданная имъ овца какъ-нибудь ушла отъ покупателя, онъ слѣзъ съ санокъ и, поймавъ ее, началъ ласкать, приговаривая: „о, бѣдна моя овечка, бѣдна овечка!“ Вдругъ мнимая овца вырвалась изъ его рукъ, захохотала и, проговоривъ: „бѣдна овечка“, — исчезла“.

„Одинъ человекъ, возвращаясь ночью со сватьбы и проходя мельничною плотиною, увидѣлъ стоящаго возлѣ мельницы священника. Онъ рѣшился

подойти къ нему и испросить благословенія; едва онъ задумалъ это, какъ мнимый священникъ захохоталъ и исчезъ“.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, являлся чортъ.

Черти также являются и ходять въ образѣ тѣхъ предметовъ, о которыхъ они мечтаютъ. Молодымъ, распутнымъ людямъ являются въ образѣ красивыхъ, молодыхъ женщинъ; сребролюбцамъ — въ образѣ богача - чело-вѣка, раздающаго свои сокровища всѣмъ желающимъ.

Уговоры съ чортомъ производятся на перекрестныхъ дорогахъ и утверждаются кровью изъ мезинца, проколотаго иголкой.

[*Грубешовскій уездъ*]. „Одинъ крестьянинъ съ женой, возвращаясь съ ярмарки, нашелъ на дорогѣ чорнаго пѣтуха съ связанными ногами. Приѣхавши домой, посадили пѣтуха на печь и ночью съ нетерпѣніемъ ожидали его пѣнія, но пѣтухъ не пѣлъ. Тогда они зажгли огонь и пошли по-смотрѣть, что дѣлается съ пѣтухомъ. Приблизившись къ печкѣ, они увидѣли, что передъ пѣтухомъ насыпаны кучи золота, серебра и разнаго зерноваго хлѣба. Крестьянинъ догадался, въ чемъ дѣло, какого видитъ передъ собой пѣтуха, и, будучи религіозенъ, взялъ его, отнесъ на мостъ и бросилъ въ воду. Мгновенно взбушевала рѣка, и поднялся такой вѣтеръ, что едва не сбило крестьянина съ ногъ. Возвратившись домой, крестьянинъ увидѣлъ на томъ мѣстѣ, гдѣ лежали деньги, одну только смолу“.

[*Холмскій уездъ*]. Чертей обыкновенно представляютъ въ видѣ чорнаго чело-вѣка, съ когтями, хвостомъ и рогами, а мѣстомъ жительства его считаютъ адъ, гдѣ черти мучатъ грѣшниковъ: возятъ на нихъ дрова, смолу и т. п.

[*Луцкій уездъ*]. Чорта народъ представляетъ въ видѣ безобразнаго чело-вѣка, съ хвостомъ, рогами и когтями. Онъ является людямъ всегда во фракѣ.

[*Записалъ Ковальчукъ*]. „Люды кажутъ, якъ идешъ коло церкви, то не знимай шапки, потому, же чортъ сидитъ на вікні, вытрыщивъ языкъ и передразнюе“.

„Єденъ чоловікъ ішовъ коло церкви въ ночі и побачивъ трѣхъ паньчівъ (паньчамы звать чорта). И зойшлись вони до купы. Чортъ зробився чоловікомъ и пытається:

— Буда ты ходивъ, куме?

— У корчмі бувъ.

„Чортъ знову ёму и каже:

— Ходімъ до тебе вечерять.

— Ходімъ.

„Сталы вечерять, — усе поілы. Чортъ зробився паньчемъ и привііть

чоло-  
війш.  
издер  
говор  
щане.  
день  
ныча,  
видно

сать в

„Да в

изъ то

по во

столько

то былъ

[

съ кроч

колѣнах

Черти с

„Б

давъ ша

лся. Ст

гацько,

того позв

—

око, то я

—

„Зр

позычаты

—

—

„Вно

каже:

чоловіка до колоды и пхнувъ ёго черезъ тую колоду. Уставъ чоловікъ и пішли вони далі (се було зімою). Прывівъ чортъ того чоловіка підъ клуно, издеръ зъ ёго постолы, самъ засміявся и полетівъ“.

[*Каневскій уездъ*]. „Въ Шендерівці одынь чоловікъ бачывъ чорта и говорывъ зъ нымъ. Цей чоловікъ бувъ слабый дуже и хотівъ пысать завіщане. День для завіщаня вінъ назначывъ неділю. Въ понеділокъ за п'ять день до неділі въ ночі прыйшовъ до ёго чортъ, въ образі маленького паныча, такъ годівъ десяти, або дванадцяти. Було темно, а то стало одъ разу выдно. Ото чортъ розбудывъ чоловіка и каже:

— Ходімъ у ту хату роспыску пысаты.

„А той чоловікъ и каже:

— Чого жъ вамъ такъ до спіху: я въ неділю буду пысаты, да и пысать не вы будете, а мій сынъ.

— Дарма, тамъ уже есть два панычі: вони будуть пысать.

„Чоловікъ той ажъ тоді догадався, що то чортъ, та и прочытавъ: „Да воскреснетъ Богъ“, — вінъ и зчезъ“.

[*Винницькій уездъ*]. Черти были и прежде сотворенія міра: это видно изъ того, что въ то время, когда ничего не было кромѣ Бога, ходившаго по водамъ. Богъ увидѣлъ въ п'янь чорта, который заинтересовалъ Его на столько, что Онъ началъ спрашивать чорта, кто онъ такой? Узнавши, что то былъ чортъ, Онъ взялъ его съ собою.

[*Винницькій уездъ*]. Чорта представляютъ въ видѣ чорного челоука съ крючковатымъ носомъ, съ двумя рогами и когтями на рукахъ, локтяхъ, колѣнахъ и ногахъ. Жилище чертей — строенія, гдѣ рѣдко бываетъ челоубъ. Черти слетаются на совѣтъ, что видно изъ слѣдующей легенды:

„Бувъ собі чоловікъ и мавъ вінъ собі два сына. Єдному сыну Богъ давъ щастя, а другому ні. Ихъ батько умеръ, вони осталися та й поженылися. Отъ еденъ зробывся багатый, а другой бідный и мавъ вінъ дітей багацько, а у багатого не було не одной дытыны. Прыйшовъ бідный до багатого позычаты хліба.

— Позычь мнѣ, брате, мірку жыта. Скоро дасы мнѣ vybrаты свое око, то я тобі дамъ мірку жыта.

— Выберы.

„Зробывъ той шпычку и выбравъ ёму око. Другый разъ прыйшовъ позычаты п'ять рублівъ грошей, а той и каже:

— Дай же мнѣ друге око vybrаты, то я тобі позычу п'ять рублівъ.

— Выбірай.

„Выбравъ вінъ ёму друге око и давъ п'ять рублівъ. Бідный тоді и каже:

— Коли ты мнѣ повибѣравъ очы, то вывезы мене підъ хрестъ, я тамъ сяду и буду хлѣба просыты.

„Вывізъ вінъ ёго підъ ту фыгуру, що за селомъ та й покынувъ тамъ. Коли такъ, якъ у пізні вечері, позліталыся туды чорты и говорятъ еденъ до другого:

— Ты чувъ, що братъ братові очы повиколоувавъ?

„А еденъ чортяка каже:

— Можна ёму порадыты, щобъ вінъ бачывъ, щобъ до східъ сонця рососою умывся.

— Ты чувъ, брате, що у одному селі люде за тры мылі по воду ходять?

— Можна такъ зробыты, щобъ імъ воду пустыты: тамъ лежыть на-середъ села великый камінь и ёго можна изырваты и воду пустыты.

„А той слѣпый слухавъ и все зробывъ: очы промывъ рососою и пішовъ у те село и той камінь зірвавъ, и воду пустывъ. Ёму дали за те сто рублівъ, и вінъ пішовъ до дому. Прыходыть до брата и віддае ёму п'ять рублівъ. А той и каже:

— Хто тобі такъ зробывъ, що ты бачышь и де ты взявъ грошей?

— Дали мнѣ люды за те, що я пустывъ воду. Тамъ злітаются чорты и говорятъ, де яке нещасте и чымъ ёго можна збавытьця. Я почувъ я такъ собі розжывся.

„А той и каже:

— Повыбѣрай же мнѣ, то я піду підъ ту фыгуру.

„Той узывъ, повибѣравъ ёму очы. Позліталыся чорты та й кажуть:

— Чы нема кого на нызу, а ну ходімъ!

„Прыходять, а той сыдыть. Вони взялы,— та й розырвалы ёго“.

Обдумавши все, черти выходять изъ своего логовища и нашептывають челоуѣку, которому вздумаютъ повредить, чтобы онъ шоль воровать, пьянствовать, разбивать, разрисовывая въ его воображеніи все это такими яркими красками, настоящую же жизнь — такою скверною, безобразною, или зовутъ его, особенно пьянаго, въ такое мѣсто, гдѣ онъ можетъ погибнуть. Черти особенно часто привязываются къ музыкантамъ, которые, чаще всего, встрѣчаются съ чертями.

„Случилось, говоритъ одинъ музыкантъ, ийти мнѣ со сватѣбы часовъ въ двѣнадцать ночи. Выходитъ противъ меня „паньчъ“.

— Иды, пожалуста, зо мною граты на балъ.

„Я иду. Подходимъ къ освѣщенному дому; входимъ. Домъ полонъ гостей, меня сажаютъ и велютъ играть. Я играю; дають мнѣ водки, закуски. Ъшь, ѣшь, — не съѣшь всего и прячешъ за пазуху, или въ карманъ. Гости

танцуютъ. Передъ разсвѣтомъ расплачиваются со мной: даютъ кредитные билеты и велятъ продолжать игру. Вдругъ пѣтухъ: „кукуруіку“, и гости, и домъ и все — какъ не бывало. Смотришь — разсвѣтаетъ. Осматриваешься вокругъ себя, и съ ужасомъ замѣчаешь, что сидишь на кочкѣ въ болотѣ, или надъ какою нибудь пропастью. Достаетъ оставшуюся закуску, оказывается за пазухой или въ карманѣ какой нибудь пометъ, вмѣсто денегъ, и т. п. дрянъ“.

Если иногда человѣкъ, забывши Бога, обращается къ чорту за содѣйствіемъ къ достиженію какой нибудь цѣли, услужливый чортъ не заставитъ себя долго ждать, соглашается помочь ему, только за большую сумму: требуетъ, чтобы человѣкъ отдалъ ему по смерти свою душу. Для этого, не довѣряя его слову, требуетъ у него росписки, писанной не чернилами, а кровью изъ мезиннаго пальца. Ножъ для разрѣзыванія пальца, перо и пергаментъ услужливый чортъ всегда даетъ свои, потому что онъ всевѣдущъ и знаетъ, что можетъ случиться и что будетъ нужно.

Человѣкъ призываетъ чорта въ разныхъ случаяхъ: желая быть очень богатымъ, онъ вступаетъ съ чортомъ въ условія.

„Одинъ человѣкъ, желая сдѣлаться богачемъ, выкопалъ большой „лехъ“, оставивъ небольшое отверстіе, въ которомъ могла помѣститься только шапка, въ которой онъ прорвалъ дыру, и, призвавъ чорта, сказалъ ему:

— Насыпь мнѣ ото повну шапку золота, то я віддамъ тобі мою душу.

„Много стоила чорту хитрость мужика, однако, за такую важную награду, удовлетворилъ его желанію и получилъ условленную награду“.

Поэтому люди и смотрятъ недружелюбно на всякаго богача-мужика, сдѣлавшагося богатымъ ни-съ-того, ни-съ-сего. Ихъ называютъ „фармазонами“.

Вѣрятъ, что въ пустыхъ, старыхъ, полуразрушенныхъ здаіняхъ непрерывно живутъ черти и тамъ, по ночамъ, свищутъ. Въ полуразрушенныхъ, недѣйствующихъ мельницахъ черти мелятъ нюхательный табакъ. Мѣсто, куда чортъ заведетъ человѣка, покажется такимъ прекраснымъ, что, какъ говорится, глаза разбѣгаются; тамъ и прислуга для гостя, и гостепріимство, и музыка, и пляски: гость, какъ бы въ какомъ обояніи, проведетъ тамъ ночь. Послѣ ужина, состоящаго изъ богатыхъ яствъ, слуга подноситъ трубку, и гость съ наслажденіемъ предается этому. Наконецъ, его уведутъ въ спальню, на мягкіе пуховики, и тутъ-то онъ отдыхаетъ, какъ никогда еще не отдыхалъ. Пропѣли пѣтухи — все кончено. Гость видитъ себя въ какомъ нибудь пустырѣ, лежащимъ въ грязномъ мѣстѣ, или въ болотѣ, или камышѣ, или же сидящимъ на какомъ нибудь бугрѣ и сосущимъ вмѣсто трубки комокъ засохшей земли или скотскаго помѣту. Опомнившись, онъ крестится и плюетъ

во всѣ стороны; а гдѣ-нибудь въ углу, спрятавшійся чертёнокъ, въ круглой соломенной шляпѣ, одѣтый во фракъ, изъ-подъ котораго виднѣется собачій хвостъ,— скалитъ ему зубы и хохочетъ во все свое чортово горло. Ночевавшій въ чортовомъ болотѣ почти всегда заболѣваетъ.

Видѣвшій чертей замѣчаетъ у нихъ рога на головѣ, тщательно закрываемые круглою шляпою съ широкими полями, собачью морду, хвостъ врючкомъ, когти на рукахъ и ногахъ. Одежда ихъ: коротенькая курточка, узкіе панталоны. Чортъ любитъ иногда принимать на себя видъ заблудившагося козлёнка; онъ является проѣзжему, и такъ жалобно блеетъ, что путникъ беретъ его къ себѣ въ повозку и лаская говоритъ: „козочка, козочка“, а онъ повторяетъ: „козочка, козочка“. Путникъ, въ испугѣ, бросаетъ его на землю, послѣ чего мнимый козлёнокъ исчезаетъ. Чортъ любитъ искушать людей и дѣлать имъ вредъ.

„Была въ одномъ селѣ примѣрная семья: жила, какъ говорится, душа въ душу; ни одного злого слова члены семейства не слышали другъ отъ друга. Но чортъ ненавидитъ добра. Въ этой семьѣ была беременная невѣстка. Однажды она повѣсила на колышкѣхъ возлѣ порога свои коралы, которые, будучи задѣты кочергой во время стряпни, упали въ помои. Этого никто не замѣтилъ. Помои были вынесены коровѣ, и коралы перешли въ ея утробу. Спустя нѣсколько времени, спохватились кораловъ, но слѣдъ уже пропасть. Ъдетъ свѣкоръ къ ворожеѣ и беретъ съ собою меньшого сына - хлопца. По обыкновенію привозитъ ворожеѣ подарки: хлѣбъ, яйца и водку. Баба - „ворожка“ съ притворною ласкою цѣлуетъ гостей, усаживая ихъ на почетномъ мѣстѣ. Выслушавъ, въ чемъ дѣло, она объявила, что имъ нужно остаться ночевать, потому что ей, для гаданья, слѣдуетъ смотрѣть на звѣзды. Согласились. Послѣ ужина свѣкоръ пошелъ спать на дворъ къ лошадямъ, а хлопецъ, незамѣченный „ворожкой“, забрался на печь. Ночь. Вдругъ изъ-подъ полу выскакиваетъ бѣлый „хортъ“ и передними лапами оперся „ворожкѣ“ на грудь, глаза его горятъ, какъ два раскаленные угля. Баба и спрашиваетъ его:

— Что сказать пріѣхавшимъ о коралахъ?

„Хортъ“ говоритъ о нихъ все какъ было; но запрещаетъ „ворожкѣ“ сказать правду и велитъ сказать ей, что коралы украла невѣстка, продала ихъ и деньги пропила.

— Если ты такъ скажешь, то свѣкоръ и вся семья возненавидятъ невѣстку и будутъ постоянно укорять ее, а та, съ-горя, совершитъ самоубійство, а такъ какъ она также и беременна, то я буду имѣть вмѣсто одной души — двѣ.

„Хлопецъ не спалъ, все это видѣлъ, все слышалъ. Поутру ворожка

объявляетъ, что она смотрѣла на звѣзды и тамъ показано ей, что кораллы проданы его невесткой, а деньги пропиты.

„Возвращаясь домой, свѣкоръ уже сердился на невестку и везъ въ сердцѣ своемъ готовый уже раздоръ въ семью, но хлопецъ рассказалъ дома все видѣнное и слышанное и посовѣтывалъ, для вѣрности, зарѣзать корову, въ желудкѣ которой и были найдены кораллы.“

„Человѣкъ, сторавшій желаніемъ разбогатѣть, рѣшился погубить свою душу и пошолъ въ полночь на перекрѣстную дорогу, тамъ троекратнымъ свистомъ вызвалъ чорта. Сатана не замедлилъ явиться къ нему и спрашиваетъ его:

— Чего ты хочешь?

— Богатства.

— Хорошо. Запиши же мнѣ свою душу.

„Человѣкъ въ испугѣ отговаривается неимѣніемъ чернилъ; но чортъ, подавъ ему ножикъ, посовѣтывалъ разрѣзать мезинный палецъ руки и на поданной бумажкѣ принудилъ его записать собственною кровью свою душу. По возвращеніи домой, онъ видитъ у себя дома несмѣтное богатство и живетъ, не боясь растратить его.“

[*Соснецкій уѣздъ*]. Чорта называетъ народъ „старшимъ“, а прочихъ— его помощниками, не имѣющими ни отца, ни матери, ни семьи.

Вѣрують, что они низвергнуты Богомъ съ неба за то, что поставили себѣ престолъ на небѣ выше Божьяго, возгордились и не захотѣли повиноваться Богу.

Народъ не желаетъ не только говорить о чертяхъ, но и вспоминать ихъ. Вспоминая же чорта, онъ спѣшитъ оградить себя крестнымъ знаменіемъ.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Чорта народъ представляетъ въ видѣ человѣка небольшого роста, чорнаго, ноги у него собачьи или куриныя, хвостъ короткій, морда широкая, носъ длинный, глаза какъ раскаленные уголья, волосы чорные, длинные и жесткіе, руки длинныя, съ длинными когтями, роги бараньи или козьи, одежда на немъ нѣмецкая, шляпа высокая. Мѣстопробываніе его: мельницы, пустыя строенія, глубокіе овраги; но чаще всего онъ проживаетъ въ человѣкѣ съ лѣвой стороны. Онъ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ отъ полудня до полуночи. Христіанамъ они мало опасны: стоитъ только перекрестить чорта, и онъ бросится бѣжать безъ оглядки, но къ еврею чортъ подходитъ смѣло. Одинъ разъ въ году, именно въ судный день, чортъ до такой степени бываетъ смѣлъ въ обращеніи съ евреями, что схватываетъ одного изъ нихъ, безъ разбора, и, какъ ни въ чемъ не бывало, живого уноситъ на мѣсто своего жительства. И это продѣлывается совершенно безнаказанно.

Видѣть чорта очень трудно, такъ какъ онъ ходитъ въ шапкѣ-невидимкѣ. Утверждаютъ, однако, что слѣдующее средство довольно вѣрное: въ праздникъ Пасхи, когда крестьяне приносятъ священнику въ подарокъ „красянки“, взять одну изъ нихъ, просверлить насквозь и черезъ эту дырочку можно увидѣть чорта въ шапкѣ-невидимкѣ, которою можно тутъ же завладѣть.

**Происхожденіе чертей.** [*Литинскій уѣздъ*]. Черти происходятъ другъ отъ друга. Они, подобно людямъ, рождаются, женятся, но не умираютъ. Нѣкоторымъ людямъ даже приходилось присутствовать при сватбѣ чорта.

„Два извѣстныхъ въ окрестностяхъ музыканта-крестьянина возвращались ночью изъ г. Хмельника, гдѣ они играли на сватбѣ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Хмельника, они встрѣтили нѣсколько щегольскихъ экипажей, въ которыхъ ѣхали какіе-то господа. Ѣхавшіе въ послѣднемъ экипажѣ остановили упомянутыхъ музыкантовъ и предложили имъ ѣхать съ ними играть на сватбѣ, объяснивъ, что во всѣхъ проѣхавшихъ экипажахъ поѣхали сватбные гости, и что сватба будетъ въ сосѣдномъ городскомъ домѣ. Музыканты согласились и, сѣвши въ экипажъ, вдругъ очутились въ какомъ-то огромномъ и красивомъ домѣ, гдѣ и начали играть за условленную плату. Поигравши нѣсколько времени, одинъ изъ музыкантовъ вышелъ освѣжиться на чистомъ воздухѣ и, проходя возлѣ конюшни, завелъ разговоръ съ однимъ кучеромъ, отъ котораго по секрету узналъ, что они играютъ сватбу у чорта, и что кучеръ тотъ — утонувшій человекъ, обреченный теперь на службу чертямъ. Кучеръ этотъ совѣтовалъ музыканту идти въ комнату и помочить правый глазъ водою, находящеюся въ сосудѣ, стоящемъ возлѣ окошка, говоря, что въ то время онъ увидитъ все, но предупредилъ, впрочемъ, его ничему не удивляться и казаться ничего не видящимъ. Исполнивъ все это, музыкантъ увидѣлъ, что они играютъ въ камышѣ, на тонкомъ мѣстѣ, возлѣ м. Уланова, что всѣ гости не люди, а черти, и что видѣннаго имъ прежде дворца не существуетъ. Перевязавъ затѣмъ помоченный глазъ, подъ предлогомъ болѣзни, музыкантъ продолжалъ играть. Сватба скоро кончилась, и музыканты, получивъ условленную плату, вдругъ очутились на описанномъ уже островѣ, откуда были перевезены на лодкахъ рыбаками. Все же видѣнное ими исчезло въ одно мгновеніе, по окончаніи сватбы и, вмѣсто полученныхъ ими денегъ, оказались черенки изъ побитой глиняной посуды. Спустя нѣсколько времени послѣ этого, одинъ изъ тѣхъ музыкантовъ, мочившій себя правый глазъ чертовскою водою, бывши на ярмаркѣ въ м. Улановѣ, вдругъ увидѣлъ правымъ глазомъ того самаго чорта, который уговаривался съ нимъ играть сватбу. Подожди къ нему, онъ началъ требовать условленной платы деньгами, а не черенками. Чортъ сейчасъ пригласилъ его въ ближайшій домъ и, отдавая ему



условленные деньги, просилъ рассказать ему, какъ онъ его можетъ видѣть. Музыкантъ, по неопытности, рассказалъ ему все происходившее. Чортъ, услыхавъ это, ударилъ музыканта пальцемъ въ правый глазъ такъ, что тотъ сейчасъ же ослѣпъ, а чортъ исчезъ.

„Многіе лично знаютъ поясненнаго музыканта и утверждаютъ, что описанный рассказъ — неоспоримая истина.“

[*Холмская Русь*]. „Богъ сказалъ чорту, чтобы онъ омочилъ палецъ въ морѣ и бросилъ бы каплю воды за себя, не осматриваясь назадъ. Чортъ это сдѣлалъ, но не вытерпѣлъ: посмотрѣлъ, и увидѣлъ подобнаго себѣ чорта. Сталъ онъ дальше продолжать этотъ опытъ и чертей явилось безчисленное множество.“

Говорятъ, что у каждаго человѣка находится по правую сторону ангель, а по лѣвую чортъ.

[*Ушицкій уѣздъ*]. О происхожденіи чертей народъ рассказываетъ такъ:

„Когда небо было готово, но не было еще земли, а только вода въ видѣ пѣны, — „сатана-люцыперъ“ пицалъ въ этой пѣнѣ. Богъ освободилъ его оттуда, взялъ съ собою на небо и позволилъ сѣять камни, а Самъ сѣялъ землю. Когда позволено было чорту сѣять камни, то онъ такъ много ихъ насѣялъ, и такъ они скоро росли, что чуть не доставали своими вершинами до неба. Чортъ выдумалъ себѣ такой способъ: умывалъ руки и трясъ ими позадь себя: отъ этого народилось множество чертей“.

**Названія чертей.** [*Винницкій уѣздъ*]. „Однажды самый старшій чортъ вздумалъ сравниться съ Богомъ. Для этого онъ велѣлъ выстроить чертямъ высокую башню. Когда была окончена башня, всѣ черти взобрались туда, чтобы полюбоваться своими работами, но Богъ разрушилъ это зданіе, и черти летѣли оттуда сорокъ дней и сорокъ ночей, и который куда падалъ, тамъ находится и до настоящаго времени, получивъ отъ того мѣста, въ которое упалъ, свое названіе: который упалъ въ воду — „водяныкъ“, въ лѣсъ — „лісовыкъ“, въ болото — „болотяныкъ“, на поле — „полевой“, въ очереть — „очеретяныкъ“, и т. д.“

[*Городъ Холмъ*]. Народъ называетъ чертей слѣдующими именами: „кадукъ, дідько, болотяныкъ, морокъ, мара, дыво, лыхо, біда, бісь, чортъ, дьяволь, недоля и облудъ“. Всѣхъ этихъ чертей народъ представляетъ въ различныхъ видахъ. Нѣкоторые изъ чертей любятъ жить преимущественно въ камышахъ, въ болотахъ, лѣсахъ, поляхъ, пустыхъ домахъ и сараяхъ. Они постоянно стараются приносить людямъ вредъ и несчастія. Говорятъ, что въ каждомъ городѣ, въ судный еврейскій день, чортъ похищаетъ одного изъ толпы евреевъ, въ то время, когда они молятся въ синагогѣ, и уноситъ его

въ пропасть. Поэтому всегда, послѣ каждаго суднаго дня, евреи замѣчаютъ что между ними не достаетъ одного изъ собратьевъ.

**Домовой.** [*Винницкій уездъ*]. Есть повѣріе, что богатые простолюдины непремѣнно имѣютъ при себѣ домовика и приобрѣтаютъ его слѣдующимъ образомъ: когда вихрь подвѣетъ курицу, то она снесетъ „зносокъ“ — маленькое яичко, которое желающій имѣть домовика своимъ помощникомъ долженъ только положить себѣ подъ мышку и носить впродолженіе девяти дней; по истеченіи этого времени изъ яичка выродится домовой-чортикъ.

[*Записалъ Константинъ Жуковскій*]. „Чортъ, що сидить коло будинківъ, у ночі йде у хлівъ и іздыть на коняхъ, грыву імъ позаплітає. Но разъ чоловікъ пошовъ до хліва у ночі и побачывъ, же щось сидить на коневі біле. Чоловікъ догадався, же то чортъ. На другый день узявъ, забывъ сороку и повісивъ її надъ конемъ, и чортъ переставъ іздыть на коняхъ, а почавъ уже на сороці“.

[*Переяславскій уездъ*]. „Ишовъ Богъ, святой Петро и чортъ. Отъ чортъ и каже Богу:

— А, Господы! у тебе слуга есть, а у мене не має.

— Хыба й ты, каже Богъ, хочешъ слугы?

— Хочу, Господы!

— Йды жъ ты до річки, умочи палець у воду та й трепны.

„Умочывъ вуынь палець, трепнувъ; оглянется позадь себе, ажъ стоить такий куций, якъ и вуынь. Вуынь якъ узявъ трепать, якъ узявъ трепать, дакъ такого ихъ натрепавъ, що лыщечко! Коли Богъ оглянется, ажъ тамъ їхъ така пропасть! „А будьте, каже, вы всі прокляты!“ да й проклявъ їхъ. Пошли вони всі домовиками, по хатахъ да по горныцяхъ. Дакъ и теперь ихъ можна бачыть, хто хоче. Туылькы треба стоять на страсті у церкви и неоглядатыця и ні съ кимъ не говорыть, и до дому, йдучи не оглядатыця. А прыйшовшы до дому полізты на хату зъ тымъ огнемъ, що зъ церкви приносять, то вуынь буде лежать на хаті. Якъ буде той хозяйинъ богатый, то вуынь буде въ шерсті, а якъ бідный, то голый буде лежать“.

**Лісовой.** [*Записалъ Ковальчукъ*]. „Лісовымъ чортомъ называється той, що завсіды живе въ лісі. Якъ йде чоловікъ, до лісовый чортъ зыме зъ него шапку, або колеса познымає зъ воза, то водыть чоловіка цілу нічъ по лісу. Самъ чортъ каже: „хто люльки не курить, то той ніколы не одурить чорта“.

[*Записалъ Константинъ Жуковскій*]. „Лісовый чортъ — той, що сидить въ лісі. Вінъ боітся чоловіка. Кто ёго не боітся, то вінъ тому являється.

Една баб  
дыть він

Пер  
являющі  
бываєть  
своихъ л  
часто он  
творять  
нуть и по

Лиз  
звѣря, он

Пол

„Бо

живе въ б  
въ болото

„Оче

скопа (бар  
а коні не  
Скыдавъ, с  
изскочывъ,

„Ска

украсть что  
мая сила ст  
тамъ до тѣ  
могаєть свое  
вѣка. Сатан  
ныхъ галокъ  
у него съ а  
такого покой  
сатанюю.

„Одмін

дитя; она не  
жрало. Вотъ

і.

Єдна баба єго бачыла, же вінъ у чоботяхъ и чорный суртукъ на єму. Сидыть вінъ на пеньку, бѣе молоточкомъ клынки зъ дерева и свистыть.“

**Перелестникъ.** [*Житомирскій уѣздъ*]. „Перелестникъ“ — злой духъ, являющійся кому нибудь въ образѣ любимой умершей особы. „Перелестникъ“ бываєть видимъ большею частью молодыми людьми, тоскующими по умершихъ своихъ любовницахъ или любовникахъ. Такимъ неопытнымъ людямъ очень часто они являються, ведутъ съ ними любовный разговоръ, цѣлуются, удовлетворяють страсти. Но — горе такому чловѣку: онъ начинаетъ сохнуть, чахнуть и потомъ умираєть.

**Лизунъ.** [*Литинскій уѣздъ*]. „Лизунъ“ — чортъ — въ образѣ большого звѣря, онъ живєть исключительно въ лѣсахъ и тамъ пожираєть людей.

**Полевой.** „Полѣвный чортъ той, що завсіды сидыть на поляхъ“.

**„Болотяныкъ“.** [*Переяславскій уѣздъ*]. „Болотяныкъ, то — той, що живе въ болоті. Вінъ у ночі, якъ колы хто грає на сопілбу, затыгує до себе въ болото проізжого, або прохожого“.

**„Очеретяныкъ“.** „Єденъ чловікъ іхавъ коло очерету и побачывъ такого скопа (барана) білого и зъ ныхтямы, и крычыть. Чловікъ взявъ єго на візь, а коні не можуть єго підвезты, тогді чловікъ хотівъ єго снынуть зъ воза. Скидыавъ, скидаавъ, — не скыне, а якъ заспівалы півні, вінъ самъ, той баранъ, изскочывъ, засміавсь и пішовъ“.

**„Скарбныкъ“.** [*Винницькій уѣздъ*]. „Скарбныкъ“ — чортъ. При попытѣ украсть что-нибудь у того богача, у котораго живєть „скарбныкъ“, невѣдомая сила ставитъ вора столбнякомъ у украденнаго предмета — и держитъ его тамъ до тѣхъ поръ, пока явится самъ хозяинъ. „Скарбныкъ“ во всемъ помагаєть своему клієнту при его жизни. Страшна только смерть такого чловѣка. Сатана налетаєть на его хату съ сонмомъ своихъ слугъ, въ видѣ чорныхъ галокъ, принося его кровную запись на душу, которую и вырываетъ у него съ адскою радостью. Взрывъ потолка и вылетъ оконъ при смерти такого покойника — суть непремѣнныя явленія, какъ слѣдствія унесенія души сатаною.

**„Одмінокъ“.** [*Ушицкій уѣздъ*]. „У одной женщины черти подмѣнили дитя; она не знала и кормила его, какъ свое. Оно не росло, а только много жрало. Вотъ у дитяти начали появляться на головѣ рога; тогда женщина

начала усердно молиться, но ничего не помогало. Разъ, возвращаясь откуда-то съ бегомолья, она шла черезъ село, гдѣ былъ большой камышъ. Когда она шла по плотинѣ съ другими женщинами, услышала изъ камыша голосъ, который говорилъ:

— Имбересь! гдѣ ты былъ?

— У бабы, отвѣчало дитя.

— Что ты тамъ дѣлалъ?

— Ёль и пиль.

„Какая-то женщина, шедшая вмѣстѣ, сказала:

— Брось къ чорту его, это не твое дитя. И когда женщина бросила дитя, то оно начало свистать, плясать и пошло вихремъ ломать камышъ“.

„Одна бабка-акушерка была у беременной женщины и вечеромъ возвращалась къ себѣ домой. Вдругъ, на дорогѣ, попадается ей лягушка огромнѣйшаго объема. Въ испугѣ она сказала:

— Бый ты болото, и тобѣ, якъ я бачу, незабавкомъ треба бабн.

„Въ полночь прилетаетъ къ ней чортъ и настойчиво требуетъ, чтобы баба отправилась къ его женѣ, которая лежитъ больна. Баба сначала отбивалась. Сатана взялъ ее и понесъ въ лѣсъ. Баба, сдѣлавши свое дѣло, вдругъ узнаетъ, что дитя уже не чортово, а подмѣненное у той женщины, отъ которой она, возвращаясь домой, встрѣтила лягушку. Узнавши дитя, баба воткнула въ голову его булавку и дитя начало сильно кричать. Кричитъ одну ночь, кричитъ другую. Чертовка не знаетъ, что ей дѣлать, наконецъ она сказала чорту:

— Возьми это дитя и отнеси, оно не даетъ мнѣ покоя.

„Чортъ взялъ и тотчасъ отнесъ, а свое принесъ. Когда чортъ отпускалъ бабку домой, то чертовка сказала ей, чтобы она не брала за труды денегъ, а брала бы кирпичъ и угли. Насыпавъ въ мѣшокъ бабкѣ углей, чортъ самъ отнесъ ее домой. Когда бабка дома развязала мѣшокъ, то увидѣла, что тамъ полно серебра. Бабка тотчасъ отправилась къ первой родильницѣ и вынула изъ головы дитяти иголку, послѣ чего дитя болѣе не кричало и его тотчасъ крестили“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Если родившая женщина, вмѣстѣ съ ребенкомъ, не вложетъ въ „колыску“ роговаго ножа и не будетъ поддерживать въ комнатѣ, гдѣ лежитъ ребенокъ, постоянного огня, то рискуетъ тѣмъ, что „богиня“, т. е. чертовка возьметъ изъ „колыски“ ребенка и на его мѣсто положитъ своего, который отъ этого замѣна и получилъ названіе „одмінника“ или „відмінника“.

„Одміннокъ“ имѣетъ слѣдующіе отличительные признаки: маленькую голову, уши длинныя, тонкія ноги, большое брюхо, постоянно болѣетъ, не хо-

дить до семи лѣтъ и весьма обжорливъ, такъ что его нельзя никогда накормить, и если оставить въ горшеѣ какую нибудь пищу и выйти изъ хаты, то „одмінокъ“ пожретъ все и побьетъ горшки. За послѣднее его часто сбьютъ розгами и выбрасываютъ на то мѣсто, куда выметають соръ.

Мать „одмінника“ — „богиня“, увидѣвъ, что съ ея дитятей обращаются такъ не хорошо, приноситъ взятое и говоритъ: „на тобѣ твою дитину: ты надъ моею збыткуешся, а я твой ніць не кажу, дивись яка вона гарна та чиста“.

**Антихристъ.** [*Винницькій уѣздъ*]. Будетъ время, когда существованіе человѣка на землѣ прекратится. Передъ этимъ родится антихристъ, онъ будетъ страшнымъ образомъ мучить христіанъ. Поставитъ сначала большую пику: кто ее перескочитъ, тотъ пойдетъ въ рай, а кто не перескочитъ — въ адъ. Перескочившихъ черезъ пику возьметъ и, положивши на сковороды, прикуетъ къ нимъ и будетъ жечь, спрашивая: „до кого пристанешь, чы до мене, чы до Христа“. Кто пристанетъ къ нему, того пуститъ; ктоже будетъ терпѣть, того будетъ опредѣленное время печь, а потомъ уже тотъ пойдетъ въ рай. Все это онъ будетъ дѣлать съ людьми воскресшими. Для умерщвленія же людей живущихъ слетятъ находящіяся до сихъ поръ на небѣ птицы съ длинными желѣзными клювами.

**Рай.** [*Ушицкій уѣздъ*]. Рай — прекрасный садъ, изобилующій всѣмъ, чего только въ состояніи человѣкъ пожелать. Въ раю никто изъ живыхъ людей никогда не былъ.

**Адъ.** [*Записалъ Константинъ Жуковскій*]. „Якъ тылько начався свѣтъ, то чорты стали ставыть пекло на людей, и — отъ, начали вони ёго ставыть и ніякъ не могли ёго кончыты. Якъ скажуть на велькдень „Христось воскресъ“, то пекло заразъ и розсыпется. Зробылы вони таке залізо на Христа и разъ ішовъ Христось дорогою и зайшовъ до пекла. Старый чортъ и просыть ёго, щобъ надівъ на себе те залізо. Христось загадавъ ёму попереду надіты. Чортъ якъ улізъ, то Христось такъ и закъавъ ёго до страшного суду. Чортъ и теперъ грызе те залізо, и якъ уже перегрызае, то тутъ и скажуть „Христось воскресъ“, а залізо зновъ зробытся таке, якъ и було“.

[*Переяславскій уѣздъ*]. „Богъ, увидя приготовленныя чортомъ оковы, спросилъ чорта:

— Что это ты сдѣлалъ?

— Оковы.

— Для вого?

— Для людей.

— Что же ты сдѣлаешь съ ними?

— Закую по рукамъ и ногамъ и, такимъ образомъ, лишу ихъ свободы.

— Какъ же ты это сдѣлаешь, покажи-ка мнѣ?

— А вотъ какъ. И чортъ надѣлъ на себя оковы. Тогда Богъ взялъ его, привелъ въ адъ и тамъ приковалъ. Стоитъ онъ тамъ прикованнымъ и по сей день, на самой серединѣ ада, что и видно на картинѣ, изображающей страшный судъ“.

„Адъ у землі. Тамъ дуже страшный огонь. У котлахъ тамъ выплять грѣшны души, а чорты ще дрова підкладують“.

**Мара.** [*Луцкій уездъ*]. „Мара“ покрываетъ невидимою сѣтью глаза у людей и затемняетъ разсудокъ, чтобы завести человѣка въ опасное мѣсто.

[*Грубешовскій уездъ*]. „Мара сдѣлалась изъ обыкновеннаго человѣка. Одна женщина была воспріемницею родившагося дитяти у своей сосѣдки. Когда, по совершеніи обряда крещенія, она возвращалась домой, позабыла имя дитяти и назвала по собственному произволу Марой. Съ тѣхъ поръ душа этого дитяти и начала ходить по міру и пугать людей“.

**Морокъ.** [*Винницкій уездъ*]. „Морокъ“, это — чортъ. Онъ дѣлаетъ людямъ много зла: заколдовываетъ умъ, и человѣкъ ходитъ, какъ сумасшедшій.

**Манія.** [*Винницкій уездъ*]. „Манія“ — духъ, навязывающійся людямъ и выводящій ихъ изъ терпѣнія; говорятъ поэтому: „прычпывся ябъ тая манія“.

**Вова.** [*Холмская Русь*]. „Вовою“ называютъ все страшное, могущее дѣлать вредъ. Указывая дѣтямъ на что-нибудь, могущее ихъ напугать, обыкновенно говорятъ такъ: „хро, вова!“

## Духо-человѣки.

**Вѣдьмы.** [*Литинскій уездъ*]. Вѣдьма — женщина, связавшаяся съ дьяволомъ. Она дѣлаетъ людямъ одно только зло. Вѣдьмы бываютъ: или природныя, или наученныя. У первой всегда вырастаетъ сзади хвостъ, величиною въ палець, который, если вѣдьма занимается чародѣйствомъ, вырастаетъ

до такихъ размѣровъ, какъ хвосты у собакъ. Кромѣ способностей, принадлежащихъ „чаровникамъ“, вѣдьмы также владѣютъ способностью перекидываться въ собакъ, кошекъ и птицъ, отнимать у коровъ молоко, сосать у людей кровь, задерживать дождь, управлять градовыми тучами и проч. Какимъ образомъ вѣдьмы выдѣлываютъ все эти вещи — ни кому не извѣстно, потому что изъ подстерегающаго ихъ тайны онѣ высасываютъ кровь, и такой любопытный всегда оканчиваетъ смертью. Говорятъ, что вѣдьма, желая отправиться на промыселъ, снимаетъ съ себя рубашку, намазываетъ все свое тѣло какою-то мазью, ставитъ послѣ этого въ печку горшокъ съ какою-то жидкостью, разогрѣваетъ ее и, когда жидкость начинаетъ испаряться, въ то время вѣдьма схватываетъ кочергу или помело, садится верхомъ, какъ на лошадь, и улетаетъ вмѣстѣ съ парами жидкости въ трубу. Въ это время вѣдьма обладаетъ способностію перекидываться въ собакъ, кошекъ и птицъ, летать подъ облаками, давать, по своему желанію, извѣстное направленіе тучамъ, задерживать дождевыя тучи и проч. Вѣдьмы дѣлаютъ зло, по предварительному совѣщанію ихъ въ назначенномъ ими сборномъ мѣстѣ, гдѣ уже постоянно предсѣдательствуетъ „вѣдьмакъ“. Во время этихъ собраній, вѣдьмы затѣваютъ игры, въ родѣ войны на мечахъ, и потому, отправляясь на такія собранія, вмѣсто кочерги и помела, захватываютъ мечикъ отъ „терницы“ (цестъ, которымъ мнутъ стебли конопли). Согласно съ такими понятіями, рассказываютъ слѣдующую легенду:

„Когда-то, въ домѣ извѣстной вѣдьмы, поставленъ былъ на постой молодой солдатъ. Солдатъ этотъ скоро завелъ съ своею хозяйкой-вѣдьмой любовную связь, но при этомъ началъ подозрѣвать ее въ чемъ-то недобромъ. Всегда бывало хозяйка его ложится съ нимъ спать; но лишь только солдатъ заснетъ, хозяйка куда-то исчезаетъ и является уже по-утру истощенная, измученная. Это заинтересовало солдата, и онъ, въ одну ночь, притворившись спящимъ, сталъ слѣдить за своею хозяйкой. Тутъ онъ замѣтилъ, что та сняла съ себя рубаху, намазала свое тѣло какою-то мазью, вскипятила горшокъ съ жидкостью, и схвативши мечикъ, улетѣла въ трубу. Солдата все это такъ подстрекнуло, что онъ рѣшился испытать все это на себѣ. Исполнить это было не трудно, потому что онъ хорошо замѣтилъ, гдѣ были запрятаны мазь и горшокъ. Когда горшокъ началъ кипѣть, солдатъ почувствовалъ, что его какъ будто подносятъ; желая во всемъ подражать своей хозяйкѣ, онъ началъ осматриваться, не найдетъ ли гдѣ мечика; но не найдя такового, схватилъ въ торопяхъ свой тесакъ и съ нимъ улетѣлъ въ трубу. Въ одно почти мгновеніе онъ очутился въ какомъ-то пустынномъ мѣстѣ, среди многочисленнаго собранія вѣдьмъ. Испугавшись, онъ спрятался за первый попавшійся ему камень и началъ наблюдать. Вѣдьмы начали примѣрный бой на мечахъ, при-

говаривая: „втну, та не дотну“. Игры эти до-того подзадорили солдата, что онъ выскочилъ изъ-за камня и тоже пустился драться съ вѣдьмами своимъ тесакомъ, приговаривая: „я втну, та и перетну“. Случилось такъ, что онъ дрался съ своею хозяйкой и отрубилъ ей палець. Затѣмъ вѣдьмы разлетѣлись по домамъ, а съ ними улетѣлъ и солдатъ. Тутъ хозяйка начала упрекать солдата за его любопытство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сожалѣть о немъ, говоря, что какъ она его ни любитъ, а все-таки за свою вину онъ долженъ пострадать. Дѣйствительно, она высосала изъ него кровь, и тотъ солдатъ умеръ“.

Говорятъ, что если вѣдьма пожелаетъ отобрать у коровы молоко, то старается корову эту выдоить или на Благовѣщеніе, или въ день св. Юрія, или въ первый день Свѣтлаго праздника. Такая корова своимъ хозяевамъ уже не дастъ молока: оно принадлежитъ уже исключительно одной вѣдьмѣ. Вѣдьма не имѣетъ уже надобности постоянно доить такую корову, она только, послѣ перваго доенія ея, пробуравливаетъ въ одномъ изъ столбовъ своего дома или кладовой дырку, затываетъ ее, при извѣстныхъ ей приговорахъ, колышкомъ и, когда нужно доить корову, вынимаетъ колышекъ, и молоко коровы течетъ оттуда, какъ изъ крана.

Если вѣдьму, во время доенія коровы, замѣтитъ хозяинъ, и если есть у него собака - „первакъ“, то вѣдьмѣ приходится въ то время плохо и жутко. Собака - „первакъ“ можетъ ее разорвать, если только она не успеетъ перекинуться птицей и улетѣть.

Вѣдьмѣ чаще всего можно видѣть на перекрестныхъ дорогахъ, около крестовъ, куда онѣ собираются для снятія звѣздъ съ неба, взлѣзая для этого на крестъ вверхъ ногами.

Вѣдьму можно видѣть въ церкви, во время страстнаго богослуженія; въ послѣднемъ случаѣ, желающій видѣть вѣдьмѣ, долженъ поступать такъ: въ „запусты“, предъ великимъ постомъ, онъ долженъ взять подъ языкъ немного сыра и такъ держать его цѣлую ночь. На другой день сыръ этотъ нужно завязать въ поясъ, который и носить въ продолженіе цѣлаго поста; въ этомъ же поясѣ идти и на страстное богослуженіе, гдѣ онъ увидитъ всѣхъ вѣдьмъ, которыя будутъ просить его и даже грозить, чтобы онъ выбросилъ сыръ, спрятанный въ поясѣ.

Вѣдьма природная, желая кого-нибудь научить своему искусству, прежде всего, дѣлаетъ надъ своею ученицею испытаніе. Оно совершается такъ: вѣдьма беретъ кусокъ своего сыра и предлагаетъ взять часть его и своей ученицѣ и отправляется съ нею къ колодцу или рѣчкѣ. Тутъ вѣдьма предлагаетъ своей ученицѣ раздробить принесенный ею сыръ на мелкіе кусочки и бросить въ воду, приказывая ей смотрѣть въ воду и сказать, что она тамъ увидитъ?



Та, конечно, отвѣчаетъ, что ничего не видитъ. Затѣмъ вѣдьма раздробляетъ свой сыръ и бросаетъ его тоже въ воду; тотчасъ сбѣгаются всевозможные гады и быстро расхватываютъ этотъ сыръ. Вѣдьма, указавъ это своей ученицѣ, говоритъ: „Такъ растерзаютъ черти твою душу на томъ свѣтѣ за ремесло вѣдьмы“. Если ученица не устрашится этого и примется учиться, тогда вѣдьма начинаетъ давать ей уроки.

[*Луцкій уѣздъ*]. Вѣдьмами называютъ тѣхъ женщинъ, которыя перекидываются въ кошекъ или другихъ животныхъ и отбираютъ молоко у чужихъ коровъ. Какимъ образомъ они перекидываются — невѣдомо. Вѣдьмы знаются съ чертями. Народъ боится ихъ и старается избѣгать всякихъ непріятныхъ съ ними столкновеній. Вѣдьмы, въ ночь на Ивана Купалу, отправляются „на Лысу гору“, въ Кіевъ, на помелѣ или на кочергѣ.

[*Холмская Русь*]. Вѣдьмы исключительно занимаются доеніемъ коровъ и могутъ превращаться въ собаку, а въ крайне-затруднительныхъ случаяхъ дѣлаются невидимыми. Въ опредѣленное время собираются на „Лысу гору“, у Кіева, и тамъ тѣшатся вмѣстѣ съ чертями. Вѣдьма имѣетъ хвостъ.

[*Острожскій уѣздъ*]. „Вѣдьмы бувають родимі и учені, але родимі не такъ шкодять, якъ учені: ці молока одбірають, жыто перетынають“.

[*Каневскій уѣздъ*]. „Разъ йшла відьма коло Семенцѣвого ставу, въ Шендерівці. Вона була въ довгій білій сорочці, несла дойницю въ рукахъ и молоко хлюпалось“.

[*Село Хорово. Записалъ И. Мулевичъ*]. „Люды кажуть, що відьмы ходять у загонъ коровъ доіть; але вона выдоіть корову и йде. А чоловікъ шовъ на тікъ спаты, побачывъ її и злякався, а вона взяла, перекинулася и зробылася котыкомъ и полізла на шону (на верхъ влуні), а чоловікъ хутко пошовъ до хаты и казавъ своїй жінці:

— Ой, жінко, шо я бачывъ на току: шось доіло корову, я злякався, а воно побачыло мене, перекинулось котыкомъ и полізло.

— То відьма, почкай, Максиме, я зловлю її.

„Чоловікъ попросывъ свого сусіда:

— Ходімъ, Пыльце! Я йшовъ на тікъ спаты, ажъ дывлюся, відьма корову доіть.

„Пыльце и пішовъ зъ нимъ ловить відьму. Тылько що вони полягали спаты, ажъ дывляється: прыходыть сучка и перекинулася жинкою. Тоді ты набынули на єі верѣвку, звязали єі и судятеся: шо їй зробіты? А далі — взяли и одрубали їй пальця. Переночували и пішли шукаты на село відьмы. Прыйшли до єдноі — нема, до другоі — нема. Идутъ вони на выгонъ, а люды пытаются:

— Куды вы йдете?

— Йдемъ шукаты відьмы: мы вчора изловили. Она якъ стала рватися, мы взяли їй одрубали пальця, и теперъ йдемо шукаты. Якъ найдемо, то побачимо, хто то такый бувъ коло нашихъ коровъ.

„И такы найшли, а то була Максимова бума. Та й оддячыла жъ вона Максиму. Прийшовъ вінъ разъ изъ млына и сівъ зъ жінкою обідать, та тылько шо зъївъ ложку молошної кашы, заразъ вмеръ“.

[*Винницькій уездъ*]. „Въ единымъ селі не мігъ ны еденъ дячокъ довго жыты: поступыть на приходъ, послужыть місяцівъ п'ять — и умре. Причыною тому було то, що у одного хозяіна була дуже гарна дочка, котора була дуже велька відьма, вона управляла всімы околышнімы відьмами, могла зробыты все те, що їй захочется. Особенно, вона мучыла дяківъ свого прихода, которі не могли выносыть її напастівъ и уміралы. Єденъ молодой дячокъ поступывъ на той приходъ; мавъ вінъ не більше, якъ роківъ вісімнадцять. Не мавъ ні жінки, ні дітей и найшовъ собі кватыру у едноі бабы, котора була также подвласна тій дівці-відьмі. Баба, якъ забачыла того молодого дяка, и зачала ёму говорыты:

— Тебе шкода, небоже, що ты такый молодой и гарный, но ты довго тутъ не будешъ.

— Чомъ же я, бабко, не буду тутъ довго?

— Я бъ тобі сказала, но не моя річь говорыты, а такъ, якъ мні, тебе шкода, щобъ ты въ такімъ молодымъ віку не уміравъ, то хыба и скажу, тылько чыжай прычыны.

— А якъ бы вы, бабко, были такі ласкаві и добрі для мене, щобъ вы мні сказали.

— Ой, не встережесся, небоже!

— Чомъ, бабко, ні.

— Я тобі кажу, що не встережесся; я бъ тобі сказала, якъ бы ты бувъ добрый та не выдавъ мене.

— Ні, бабко, не выдамъ.

„Тоді баба почынае ёму розказуваты, й говорыты:

— Ото якъ будешъ иты у неділю до церкви, то ты здыбаешъ дівчыну, дуже гарну, вона буде ністы воду и скаже тобі: „добры день вамъ, дяче!“ Ты шапки на те їй прывітання не скыдай и нічого не відказуй, а якъ відбачешъ, то біду напытаешъ.

„Йде дякъ, дочекавшы неділі, у церкву и здыбае такъ, якъ ёму баба розказувала, и все выповнывъ такъ, янъ вона ёго навчыла. Прийшовъ у церкву, відслужывъ службу, прийшовъ до дому, пообідавъ и лігъ спочываты. Пытается баба:

— А що, здыбавъ таеъ, якъ я тобі казала.

— правда,

— буде со

нахъ,

стоить.

— торую

— вався.

— воды и

— скілько

— „I

— на перш

— конемъ

— не стала

—

— „С

—

—

— хтось на

—

— буду баз

— „Д

—

— саму під

— рукъ.

— „Сі

— але вінъ

— до дому

— и нічого

— баба:

—

— іі, що ле

—

— трімае, зл

— будешъ ма

— „От

— Але якъ у

—

— Здыбавъ, бабко, и все зробивъ и теперь буду вірны, що все то правда, що тылько вы мыні казали.

— Чекай, небоже, я ще тобі більше скажу. Ты выйдешъ такъ, якъ буде сонечко спочиваты, и якъ будешъ іты, то візьми собі обротьку въ сїняхъ, за моїмы двермы. выйдешъ за ворота и підъ плотомъ перша підпора стоїть. Ты кыдай на ню обротъ и заразъ сїдай на ню, бо то та сама, которую ты здыбавъ, має на тебе за зло, за то, що ты зъ нею не поздоровався. Якъ сядешъ на нюю, то вона тебе буде дуже носыты и по-верхъ воды и по-верхъ ліса. Вона схоче тебе скинуты, а ты держься и бий її, скілько зможешъ и куда попадешъ.

„Прийшла та поря. Дякъ выйшовъ, взявъ обротъ, накынувъ ту обротъ на першу підпору и сівъ на нюю. Та підпора зробылась відъ нымъ гарнымъ конемъ и стала ёго носыты. Вінъ бивъ, бивъ, такъ бивъ, що уже й сылы не стало. Прыхавъ до дому, скинувъ обротъ и тылько зачувъ:

— Добре тебе хтось навчывъ, вражый сыну, але на цьому не кінець.

„Отъ прыходьты вінъ до хаты, а бабка и пытається:

— А не вбывъ ты її?

— Ні, бабко; якъ обротъ скинувъ, то ще заговорила: „добре тебе хтось навчывъ, вражый сыну, але цьому не кінець.

— Ще будешъ зъ нею прычину маты, але послухай мене, що я тобі буду казаты, то те й робы.

„Другого вечора зновъ баба ёму говорыть:

— Беры жъ тую саму обротъ, беры доброго кыя, накынь обротъ на ту саму підпору и сядь, тылько такъ бий, щобъ уже й жывої не пустыты зъ рукъ.

„Сівъ вінъ на ню, то вона ёго ще втрое гірше носыла, якъ перше, але вінъ запасъ ще больше кывъ, якъ ёму баба казала, и бивъ такъ, що до дому вже пішки прыйшовъ, а вона не знать, де й ділась зъ-підъ ёго, и нічого вже ёму не сказала. Прыходьты дякъ до дому и пытається ёго баба:

— А що, небоже, бачывъ, де вона поділась?

— Ні, бабко, не бачывъ, вже нічого и не говорила, але я такъ бивъ її, що ледві до дому прыйшовъ.

— Ой, небоже, ще мало ій, а тымъ часомъ буде зъ неї, якъ це вытрїмае, але стрївай, що то ще зъ цього выйде? Хочъ вона и вмре, то ты будешъ маты хлопотъ, бо не знаю, чы й ты выверутыся?

„Отъ на третій день та дівка заслабла, полежала дві неділі та й умерла. Але якъ умірала, то батьба просыла:

— Якъ я вмру, до візьмшь мене на тры добі до церкви и дякъ не-

хай три ночы чытае надо мною псавтыру, и що вінъ схоче, те ёму й дайте.

„Батько зробивъ такъ, якъ вона хотіла: завезлы її на три добі до церкви. Батько йде просыты дяка, щобъ ішовъ на три ночы псавтыру чытаты. Дякъ иде радытысь до бабы: що робыты? Баба ёму й каже:

— Біда, небоже, але вона тобі нічого не зможе; иды — годыся, тилько за добру ціну. Візмы хочъ за дві тысячы.

„Дякъ пійшовъ, згодывся за ту ціну. Наступыла нічъ. Але баба навчыла ёго, що ёму робыты:

— Візмы собі свяченый роговий ніжъ и, якъ тилько трісне труна, ты чытай, а другый разъ якъ трісне, то майся на осторожности, а якъ трісне третій разъ, то скоро падай на землю и обцірелюйся тымъ ножемъ.

„Пішовъ вінъ чытаты. Чытае, чытае, ажъ тутъ тріснуло труна разъ, вынъ чыта; другый разъ, — вінъ уже стережется; а третій разъ якъ тріснуло, вінъ упавъ на підлогу и зробивъ такъ, якъ ёму баба казала. Умерша встала. Що жъ вона выробляла надъ нымъ! И воды лила, и стреляла, але нічого не могла ёму зробыты. На другу нічъ баба и каже:

— Иды чытаты, дяче, тилько будешъ въ гіршимъ страху, якъ перше. Першій разъ и другый якъ трісне, то ты чытай, а третій разъ якъ трісне, то ты закрывай скоро труну и лягай на нюю навзнычъ и обыймайся зъ нюю руками.

„Вінъ пішовъ, а якъ третій разъ тріснуло труна, положывся на нюю и обыймався руками. Вона вставала, вставала, но не могла встаты. Зослала на него своїхъ підвласныхъ; вони на ёго и вогонь сыпалы, и воду лылы, и горячымъ залізомъ пеклы, и різалы ёго, а якъ запілы курі, вони й порозбігались.

„На третю нічъ дякъ уже не хоче йты, но баба ёму каже:

— Нічого тобі не поможе, треба йты, бо и гроши твоі пропадутъ и самъ умрешъ, якъ не пійдешъ, и такъ не знаю — чы выверутыся, бо вже и я тамъ буду. Якъ тилько трісне першій разъ труна, то майся вже на сторожі, другый разъ якъ трісне, то чімъ дужъ тікай у вівтаръ и ховайся у тую шафу, въ которій вісять рызы; накрыйся чорнымы рызами и заменныся зъ середынны. Не знаю, чы дасть тобі Богъ вытриматы цюю нічъ.

„Иде дякъ знову чытаты до церкви. Чытае вінъ, чытае, тріснуло разъ труна, а вінъ хутко зірвався та въ шафу, вона за нымъ та й утратыла: тутъ бувъ та не ма. Шукала, шукала, а далі и пійшла за товарышкамы:

— Глядіть ёго: зпередъ моіхъ очей утікъ.

„Гляділы, гляділы, — нема.

— Васъ видно нема всіхъ. Нема ще старої: підіть за нею, пришліть її сюды.

„Отъ принесли тую саму бабу, у которой дякъ має квартиру.

— Вона добре знає, де вінъ подівся, тилько їй ёго жалко, бо гарний хлопець: шукайте, повиненъ бути.

„Шукалы, шукалы, не знайшлы.

— Пйдіть мыні за тою, що тилько що вродылася, вона знайде.

„Прынеслы й тую, а вона імъ и каже:

— Які вы дурні, вінъ онде, въ шафі, але ёго відтыль трудно намъ достаты. Пйдіть но вы, назбірайте зілля и прынесіть мішечка вузнецького, та скоріже, бо пора зіходыть.

„Якъ посыпалы того зілля, та стали чадіты и тымъ мішечкомъ подуваты и тею діркою, що влючъ входыть, дымъ пускаты, то вінъ, сіромаха, трохи не вдушывся, сыдючы тамъ и ковтаючы той дымъ. Але тутъ на ёго щастя курі запылы.

— Ну, маєшь щастя, вражый сыну, що такый розумный уродывся въ світь, ще на світі довго будешъ жыты.

„Сама вона знову положиылася въ труню, а решта тежъ счезла“.

[*Винницькій уыздъ*]. Есть вѣдьмы „родимыя“ и есть учонья. Первыя изъ нихъ не такъ вредны. „Родимыя“ родятся такими еще въ утробѣ матери, заклятыя бѣзмъ-нибудь въ несчастный часъ. Вслѣдствіе этого „родимая“ вѣдьма какъ-бы невинна.

„Разъ, въ отсутствіе вѣдьмы, служанка ея захотѣла полюбопытствовать, какъ вѣдьма прячетъ молоко. Уходя на село, вѣдьма оставила дома влючъ отъ кладовой. Отперши кладовую, служанка, къ удивленію своему, не нашла и слѣдовъ молока. Она уже хотѣла уходить, какъ замѣтила въ углу кладовой столбъ и въ немъ воткнутый „чопъ“. Попробовавъ „чопъ“, она увидѣла просачивающееся молоко, она выдернула чопъ весь и вдругъ оттуда полилось молоко струею. Въ замѣшательствѣ, она оставила кладовую и пошла къ сосѣдямъ отыскивать хозяйіу.

„Возвратясь домой, она вошла, вмѣстѣ съ вѣдьмой, въ кладовую и увидѣла, что изъ отверстія столба вытекло все молоко и уже вмѣсто молока течетъ кровь. Хозяйка-вѣдьма заткнула „чопъ“; но слѣдствіемъ этого происшествія былъ недостатокъ во всемъ селѣ молока у коровъ, овецъ и т. д.“

Такъ, посредствомъ волшебнаго столба, доятъ млекопитающихъ учонья вѣдьмы. „Родимыя“ же доятъ обычно, приходи съ доенками. Такихъ вѣдьмъ можетъ видѣть человекъ — „первакъ“. Есть повѣрье, что человекъ-„первакъ“, спрятавшись за бороною, можетъ увидѣть вѣдьму, можетъ даже поймать ее на тотъ „очкуръ“, которымъ опоясываютъ его, когда онъ первый разъ на-

дѣваетъ штаны. Пойманная вѣдьма будетъ проситься; тогда — не пускай ее только съ „очкура“ и вали ее дубиною, гдѣ попало. Она будетъ превращаться въ разныя животныя, но ты не обращай на это вниманія и бей ее. Послѣ такой свалки, въ какой хатѣ отыщется побитая женщина, та и есть приходившая вѣдьма. „Первакъ“ — человѣкъ можетъ проучить и провести учоную вѣдьму, и даже исправить ее.

„Жила учоная вѣдьма: у мужа ея служилъ „наймытъ-первакъ“; онъ все видѣлъ, что дѣлается въ домѣ. Вотъ разъ собрались подружки-вѣдьмы въ ея домъ для совмѣстнаго ночного высасыванія крови у людей (высасыванію этому подвергаются всѣ спящіе „горілыцею“, т. е. лицомъ вверхъ). Мужъ хозяйки, полнокровный мужчина, въ то время спалъ. Вѣдьмы, не исключая и хозяйки, прельстившись его полнокровіемъ, вытянули изъ него кровь; запекши ее предварительно на жаровнѣ, надѣлали лепёшекъ и, не ѣвши, покрыли ихъ крышкой въ тарелкѣ и сами ушли.

„Наймытъ“, какъ „первакъ“, все это видѣлъ и, по уходѣ ихъ, спряталъ лепёшки въ другое мѣсто. Хозяинъ, вставъ по-утру, почувствовалъ себя сильно нездоровымъ и пожелтѣлъ какъ лимонъ. „Наймытъ“ и спрашиваетъ его:

— Чого вы, дядьку, нездоровы?

— Нездоровъ.

— На те іште оці лепешкы, то будете знову здоровісіньки.

„Хозяинъ, съѣвши свою кровь, сдѣлался здоровымъ. На другую ночь хозяйка, улетаая, оставила дома свое туловище, наймытъ взялъ и спряталъ его. Когда пропѣли пѣтухи, хозяйка возвращается домой и прямо къ своему туловищу; но, увидѣвъ, что его нѣтъ на своемъ мѣстѣ, выдержала пытку до разсвѣта. Тогда „наймытъ“ отдалъ ей туловище въ присутствіи мужа. Уличонная, она потеряла способность заниматься своимъ ремесломъ.

[Радомскій уѣздъ]. „Вѣдьма літає на Осіаньську гору, збірає росу и доіть коровъ“.

[Ковельскій уѣздъ]. Вѣдьмою можетъ быть только женщина. Чтобы сдѣлаться вѣдьмою, нужно въ полночь идти на перекрестокъ и тамъ ожидать чорта. Женщина, желающая быть вѣдьмой, должна отречься отъ Бога и записать свою душу чорту. Чортъ, въ свою очередь, обязывается исполнять малѣйшія требованія записавшейся женщины.

„Разсказываютъ, что одинъ богатый крестьянинъ, имѣвшій много коровъ, замѣтилъ недостатокъ молока и, заподозрѣвъ въ этомъ воровъ, пошолъ подстергать ихъ. Въ полночь явилась въ хлѣвъ женщина съ кувшиномъ и начала доить корову. Хозяинъ хотѣлъ подойти къ ней, но женщина исчезла, и хозяинъ увидѣлъ только убѣгающую отъ него лягушку. Догадавшись, что

это вѣдьма, хозяинъ началъ бить лягушку и ударилъ ее топоромъ по переднимъ лапамъ. Лягушка закричала, превратилась въ свинью и убѣжала. На другой день всѣмъ было извѣстно, что старшая вѣдьма потеряла нѣсколько ручныхъ пальцевъ“.

Кромѣ этого разсказа существуетъ много другихъ, подобныхъ этому.

[*Городъ Ровно*]. Вѣдьмъ раздѣляютъ на „родимыхъ“ и на учоныхъ. Первые съ хвостами, а вторыя безъ хвостовъ. Простой народъ вѣритъ, что если нѣтъ дожда и дѣлается засуха, то это означаетъ, что вѣдьмы отворачиваютъ „хмару“ обратно.

[*Проскуровский уездъ*]. Желающій видѣть вѣдьму, долженъ дѣлать такъ:

На великопостныя „заговны“ оставить немного сыра отъ пирога, на другой день вынуть его, завернуть въ тряпку и спрятать. Въ Воскресеніе Христова, утромъ пойти въ церковь, и тамъ можно видѣть, кто изъ присутствующихъ — вѣдьма, такъ какъ каждая вѣдьма въ это время имѣетъ на головѣ „дойницу“, невидимую для постороннихъ.

Ловятъ вѣдьмъ слѣдующимъ образомъ: изъ новыхъ, еще неносенныхъ штановъ берутъ „очкуръ“, святятъ его вмѣстѣ съ пасхой и съ нимъ же подстерегаютъ вѣдьму въ сараѣ. Какъ только она придетъ, нужно забросить петлю на шею и держать крѣпко, не смотря на то, что она будетъ превращаться и въ собаку, и въ волка, и въ лягушку и т. п.

„Вѣдьмакъ“. [*Литинскій уездъ*]. „Вѣдьмакъ“ обладаетъ способностью знать всѣхъ вѣдьмъ и чаровниковъ; онъ ничего злаго не дѣлаетъ, а напротивъ старается быть полезнымъ. Располаясь всѣми вѣдьмами, онъ запрещаетъ имъ дѣлать людямъ зло. Запрещаетъ ходить мертвецамъ, разгоняетъ тучи, всегда первенствуетъ въ засѣданіи вѣдьмъ, изъ опасенія, чтобы онѣ не уговорились сдѣлать какое нибудь зло. „Вѣдьмакъ“ и по смерти не теряетъ своей власти. Разсказываютъ, что не разъ видѣли его, какъ онъ дерется съ мертвецами на могилахъ и всегда остается побѣдителемъ.

„Упырь“. [*Луцкій уездъ*]. Говорятъ, что упыри имѣютъ только образъ человѣческой, а въ сущности они — черти.

[*Проскуровский уездъ*]. Упырь, это — ходящій по ночамъ мертвецъ; чтобы избавиться отъ его посѣщеній, слѣдуетъ класть на окнѣ кусочекъ желѣза.

[*Ушицкій уездъ*]. „Упырь“ лезъ ходить, до треба ёго одкопаты и, одкопавшы, пробыть осыновимъ болкомъ, то вже бѣльше ніколы не буде хо-

дыть. Упыра можна познаты ще тоді, якъ вінъ живий. Вінъ на лиці дуже красний“.

[*Проскуровскій уѣздъ*]. Упыри, по мнѣнію народа, бывають двухъ родовъ: живые и мертвые. Отличительные признаки ихъ тѣ, что у мертвого лице красное, навзничъ лежитъ въ гробу и никогда не разлагается; у живого лице тоже красное, хотя бы онъ былъ и старикъ, и чрезвычайно крѣпкое тѣлосложеніе.

Мертвый упырь безъ живаго не можетъ быть вреденъ, такъ какъ онъ не можетъ ходить, а его носитъ на спинѣ живой.

Если крестьяне подозрѣваютъ, что умершій кто-нибудь изъ нихъ — упырь, ему пробиваютъ осиновымъ коломъ грудь, чтобы онъ не могъ причинить вреда.

Упырь нападаетъ („потыгнае“) на человѣка всегда сзади.

„**Вовкулака**“. [*Литинскій уѣздъ*]. „Вовкулаки“, по народному вѣрованію, рождаются отъ женщинъ людьми; но, въ извѣстные часы, мимо воли своей, обращаются въ волковъ, за грѣхи своихъ родителей, которые предъ праздниками и постами имѣли плотскія связи. Волками они бывають только нѣкоторое время, а послѣ опять превращаются въ людей. Обратить „вовкулака“ изъ волка въ человѣка никто не можетъ, такъ какъ эти превращенія бывають отъ Бога, въ наказаніе.

[*Село Хорово*]. „Вовкулакъ ходыть у лѣсъ до настоящихъ вовківъ и тамъ вони бігають, щобъ поймать що небудь и зѣсты. Світомъ вовкулакъ иде до дому и передъ селомъ зновъ перекидається въ чоловіка, а жінка ёго вже знає, нічого вже ёму й не каже.

[*Записалъ Мулевичъ*]. „У насъ люде кажутъ, що той чоловікъ, который въ свято робыть, матыме сына вовкулаку, вінъ буде дуже понурый, буде ходыть на гранцю и робытьця вовкомъ“.

[*Село Вишеньки, Остерскаго уѣзда*]. „Вовкулакою звется такый чоловікъ, котрый може робытьця вовкомъ. Вінъ, якъ изробытся уже вовкомъ, ходыть по кошаромъ, душыть тамъ овецъ, абы, бачте, пакость зробыть хозяіну, бо вовкулакъ (бый ёго сыла Божа!) тылько подушыть, а не ість.“

**Мавки**. [*Литинскій и Проскуровскій уѣзды*]. „Мавки“ или „лоскотницы“ не что иное, какъ черти. Онѣ живутъ въ лѣсахъ и являютя людямъ въ образѣ молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ. Бѣда тому, кто ихъ встрѣтитъ: онѣ прежде привлекають вниманіе встрѣтившагося своею красою, заводять затѣмъ съ нимъ разговоръ, любезничаютъ и, наконецъ, свою жертву, увлекшюся сердечными порывами, защекочивають до смерти.



[*Проскуровскій уѣздъ*]. Кромѣ этого, „мавки“ опасны тѣмъ, что иногда отрѣзываютъ встрѣтившемуся голову.

Мавки, это — уворованныя дьяволомъ дѣти.

**Русалки.** [*Остерскій уѣздъ*]. Русалки, это — утонувшія, во время купанья, дѣвушки. Онѣ живутъ на днѣ рѣки, въ великолѣпныхъ хрустальныхъ чертогахъ. Ночью, когда взойдетъ луна, онѣ всѣ выплываютъ на берегъ рѣки, плещутся и поютъ пѣсни, оглашая окрестность чудными, очаровательными звуками. Звуки эти имѣютъ большую силу: услышавшія ихъ, непременно подойдетъ къ нимъ; если русалки замѣтятъ пришедшаго, то немедленно защекочиваютъ его до смерти.

[*Переяславскій уѣздъ*]. „Неможна купатьця дівчатамъ на зелены святки, бо якъ піде котора, та еще не візме зъ собою въ руку полыню, то її непременно залоскочуть русалки“.

[*Записалъ Маркевичъ, 1860 г.*]. Русалки — водяныя красавицы; ночью, при лунѣ, онѣ выходятъ на берега озеръ, рѣкъ, ручьевъ нагія, въ вѣнкахъ изъ осоки и древесныхъ вѣтвей; онѣ садятся на травѣ, расчѣсываютъ косы, или водятъ хороводы. Иногда онѣ скрываются въ кустахъ, въ травѣ. Всего чаще ихъ вызываетъ на землю заря. На зарѣ дѣвушки идутъ къ рѣкѣ за водой; притаясь за деревьями, русалки ихъ ждутъ; бѣда неосторожной, если она забыла взять полынь или „любистокъ“. Русалка бросается къ ней и спрашиваетъ: „полынь, или петрушка?“ Если та отвѣтитъ: „полынь“ — русалка убѣжитъ; если же: „петрушка“ — русалка защекочиваетъ ее на смерть, и потомъ тащитъ въ рѣку.

**„Чаровникъ“.** [*Ушицкій уѣздъ*]. „Чаровникъ“ — человѣкъ, родившійся подъ извѣстною планетой — хорошею, или злою. Если онъ родился подъ хорошею планетой, то и дѣлаетъ все хорошее; если же — подъ злою, то и будетъ дѣлать людямъ одно зло.

„Одинъ еврей — „планитникъ“ шилъ у ерестянина свитку. Жена ерестянина, разсердившись на дѣтей, сказала: „а бодай вамъ очи повывлазылы“. Еврей помолчалъ, но когда на него нашла планета, то онъ, обратившись къ женщинѣ, проговорилъ: „а ну, скажи ще такъ“. Женщина и сказала, только уже не къ дѣтямъ, а къ еврею: „не хай тобі очи вылезуть“, и у еврея, въ то же мгновеніе, выпали глаза“.

[*Литинскій уѣздъ*]. „Чаровникомъ“ называется человѣкъ, заключившій дружбу съ чортомъ и обрешій себя дѣлать людямъ единственно одно зло. Чаровникъ, разными зельями и приговорами, можетъ мѣшать и препятствовать во всѣхъ дѣлахъ человѣку, можетъ разстроить семейное счастье чело-

вѣка, можетъ заставить того или другого человѣка полюбить нелюбимую особу, словомъ, онъ можетъ дѣлать все злое для всякаго человѣка.

[*Луцкій уѣздъ*]. Чаровниками называютъ тѣхъ, которые могутъ сдѣлать что-нибудь вредное для здоровья людей, а также очаровать ихъ на смерть. Они дѣлаютъ вредныя „закрутки“ на хлѣбахъ. „Закрутки“ эти бываютъ двухъ родовъ: однѣ крутятъ на смерть хозяина, а другія — для перехода урожая на свое поле.

„Случилось однажды, что молодой чаровникъ, для опыта, завертѣлъ „закрутку“ на березѣ, и когда, осенью, онъ началъ въ клунѣ молотить рожь, то со всѣхъ сторонъ налетѣло въ клуню множество березовыхъ листьевъ“.

[*Холмская Русь*]. Чаровника считаютъ всемогущимъ, такъ какъ онъ можетъ однимъ словомъ или жестомъ обратить человѣка въ волка, собаку, свинью и т. п.

[*Винницкій уѣздъ*]. Чаровникъ — злой человѣкъ, его избѣгаютъ всѣ, исключая молодыхъ парней и дѣвушекъ. Они обращаются къ нему за советомъ, какъ привлечь любовь извѣстной особы.

„Ворожбыть“. [*Холмская Русь*]. „Ворожбитъ“ лѣчитъ болѣзни людей и животныхъ. Онъ способенъ отгадывать будущее посредствомъ картъ, бобовъ, руки и т. п. Передача секретовъ между ними можетъ быть только тогда дѣйствительною, когда „ворожбитъ“-новичокъ успѣетъ, ни кѣмъ невидимый, среди глухой полночи, взобраться вверхъ ногами на крестъ и въ такомъ же положеніи спуститься обратно на землю.

[*Харьковскій уѣздъ*]. Ворожбитъ — человѣкъ безвредный, незлобивый, хотя, судя по его могуществу, могъ бы надѣлать много зла. Съ чертями онъ не имѣетъ ни какихъ сношеній.

[*Винницкій уѣздъ*]. Ворожбитъ, это — мошенникъ.

„Вихованці“. [*Проскуровскій уѣздъ*]. Домъ, въ которомъ живетъ „вихованецъ“, всегда отличается богатствомъ и зажиточностью, хотя за это хозяинъ дома долженъ, умирая, испытывать страшныя мученія. Благодаря этому свойству „вихованца“, нѣкоторые хозяева, не страшась послѣдствій, приобретаютъ его себѣ слѣдующимъ образомъ:

Нужно взять куриное яйцо, называемое „зноскомъ“, и, впродолженіе девяти дней, носить его подъ мышкой. На десятый день рождается изъ яйца маленькое существо, совершенно похожее на человѣка и съ маленькими рогами. Кормятъ его пшеничными „паланыцами“ и молокомъ.

Любимымъ мѣстопребываніемъ „вихованца“ есть „лежникъ“, на чердакѣ.

„Мемозины“. [*Проскуровский уезд*]. Увѣряютъ, что въ морѣ находятся странныя существа, полу-рыбы, полу-женщины: голова, руки и брюхо женскія, а вмѣсто ногъ — рыбій хвостъ.

„Мемозины“ эти замѣчательны также пѣніемъ, до такой степени прекраснымъ, что, когда онѣ поютъ, море перестаетъ волноваться и человѣкъ можетъ заслушаться на вѣки.

„Характерникъ“. [*Проскуровский уезд*]. Это — колдунъ, для котораго не существуетъ ни какой опасности, благодаря множеству заговоровъ, которые онъ знаетъ.

Убить его можно только серебряною пулею, надъ которою, предварительно, прочитано двѣнадцать литургій.

„Вішалникъ“. [*Проскуровский уезд*]. Повѣсившихся народъ признаетъ дѣтьми дьявола.

Въ домахъ, гдѣ кто повѣсился, не живутъ, а предоставляютъ ихъ разрушенію.

Повѣсившихся не погребаютъ на общемъ кладбищѣ, а закапываютъ на границѣ полей, вложивши въ ротъ желѣзный гвоздь изъ бороны и пробивши грудь осиновымъ тупо-затесаннымъ коломъ. Безъ этихъ предосторожностей, погребенный могъ бы надѣлать много вреда, такъ какъ онъ обладаетъ силою, позволяющею ему вставать изъ гроба.

Утопленники. [*Проскуровский уезд*]. Каждый мѣсяць, на новолунье, утопленники приплываютъ къ тому мѣсту, гдѣ кто утонулъ, и купаются при лунномъ свѣтѣ.

Утопившихся хоронятъ на кладбищѣ, но ихъ опасаются менѣе, чѣмъ повѣсившихся.

Знахарь. [*Луцкій уезд*]. Знахарями называютъ тѣхъ, которые могутъ отгадывать будущее по картамъ или звѣздамъ. Секреты ихъ неизвѣстны. Передача ихъ ограничивается только пересказываніемъ комунибудь изъ родныхъ. Передъ кончиною, они непременно передаютъ свои знанія комунибудь изъ родныхъ или друзей. Этимъ они, по ихъ убѣжденію, избавляютъ себя отъ грѣховъ, заслуженныхъ въ жизни посредствомъ чаръ.

[*Литинскій уезд*]. Знахаремъ называется человѣкъ-мошенникъ, предсказывающій будущее изъ своихъ корыстныхъ видовъ. Въ доказательство этого приводятъ поговорку: „навчыть біда ворожыты, якъ нема що въ ротъ вложыты“. Несмотря на такое понятіе о знахарствѣ, многіе вѣрятъ предсказа-

ніямъ, а особливо женщины, уважая знахарей, какъ людей необыкновенныхъ или святыхъ, или знающихся съ чортомъ.

[*Винницькій уездъ*]. Знахарь — человекъ, запродавшій свою душу чертямъ.

**Мясо гада.** [*Винницькій уездъ*]. О свойствѣ „гадючьяго“ мяса въ простонародьи есть слѣдующій рассказъ:

„Разъ, во время набѣга Крымскихъ Татаръ, случилось одному казаку быть захваченнымъ въ плѣнъ. Онъ попался къ татарскому знахарю. Случилось ему ѣхать съ знахаремъ въ лѣсъ, для собиранія травъ, и здѣсь-то, ночью, казакъ былъ свидѣтелемъ татарскаго ужина, для котораго татаринъ, поймавъ живую гадину, варилъ ее въ десяти водахъ. Татаринъ принялся ѣсть порѣзанную „гадюку“, и казакъ съѣлъ кусочекъ того мяса. На обратномъ пути, казакъ слышитъ говоръ всѣхъ степныхъ растений. Чернобыль говорить: „я отъ черной болѣзни“, терлычь кричить: „я талисманъ любви“. Козакъ засмѣялся. Слыша это, татаринъ догадался, что казакъ все уже знаетъ. Считая его соперникомъ, отпустилъ на волю, и тотъ казакъ сталъ знаменитымъ знахаремъ“.

### Мифическія существа.

**Змѣй.** [*Соснецкій уездъ*]. „Колысь змѣй переивъ бувъ усіхъ людей; дойшла черга до царівны; отъ — вона, злякавшись, и заховалась у кузню Кузьмы и Демьяна. Змѣй прылетівъ до кузні и требовавъ, щобъ вони отдали ёму царівну. Святи Кузьма и Демьянъ сказали:

— Проліжи за трычы залізны двери, то тоді и отдамо.

„И колы змѣй пролизавъ двері, Кузьма и Демьянъ взяли ёго за языкъ залізными клещами, запрягли въ залізну соху и орали, ажъ покы дооравсь змѣй до моря: тамъ напився вінъ воды стылько, що й лопнувъ. Кузьма и Демьянъ взяли тоді ёго, спалыли и понель до куны згернули. Тымъ бы й кончылось. Такъ на біду проходили мимо старці и ударили пугами по тому попелу, такъ и полізли: гадюкы, ужі, ящуркы и друга погань“.

**Грифъ.** [*Литвинскій уездъ*]. О грифѣ рассказываютъ, что это — громадѣйшая птица, заслоняющая крыльями свѣтъ солнца; она можетъ летать безъ отдыха сорокъ сутокъ.

**Единорожець.** [*Литинскій уездъ*]. Когда Ной забралъ въ ковчегъ всѣхъ птицъ, то единорожець заявилъ, что онъ въ состояніи плавать сорокъ сутокъ, и потому не желаетъ идти въ ковчегъ. Вѣрятъ, что онъ дѣйствительно прожилъ бы, еслибъ не утошили его другія птицы, спасаясь отъ потопленія на его спинѣ.

**„Злыдні“.** [*Переяславскій уездъ*]. „Злыдні“, это — невидимые старики-нищіе, которые гдѣ только поселятся, то тамъ будетъ вѣчно бѣдность.

**„Морськи люди“.** [*Литинскій уездъ*]. „Морськи люди“ живутъ въ моряхъ. Нижняя половина туловища ихъ подобна хвосту рыбы. Морскія женщины отличаются необыкновенною красотою и увлекательнымъ голосомъ. Имъ-то и приписываютъ произведеніе всѣхъ извѣстныхъ въ народѣ пѣсень и сказокъ. Вѣрятъ, что женщины тѣ подплываютъ къ кораблямъ и начинаютъ пѣть и, если по неопытности плывущихъ на кораблѣ, ихъ не отгонять пушечными выстрѣлами, то онѣ до того успѣваютъ увлечь слухъ, что всѣ на кораблѣ засыпаютъ, и тогда „морськи люди“ опровидываютъ корабль. Утверждаютъ, что нѣкоторые видѣли морскихъ женщинъ.

[*Грубешовскій уездъ*]. „Морськи люди“ получили свое начало съ того времени, когда Фараонъ гнался за евреями въ Черное море, а вода и застигла его со всѣмъ войскомъ на самой серединѣ, съ тѣхъ поръ они и превратились въ морскихъ людей, принявъ форму въ нижней части тѣла — рыбою, а верхняя осталась человѣческою. „Морськи люди“ сочиняютъ пѣсни и перекладываютъ ихъ на ноты.

[*Ушицкій уездъ*]. „Морськи люди“ ночью выходятъ изъ моря на берегъ, и кого только встрѣтятъ, — непременно съѣдятъ.

**„Лѣсовы люди“.** [*Литинскій уездъ*]. „Лѣсовы люди“ — роста обыкновеннаго, съ большими сѣдыми бородами и постоянно засморканные. Зимой изъ носа этихъ людей вытекаютъ „смаркли“ (сопли) до самой земли, и такъ замерзаютъ. Въ такомъ положеніи лѣсные люди проводятъ зиму. Увидѣть лѣсного человѣка признается счастіемъ.

„Одна дѣвушка, вышедши осенью въ лѣсъ, нашла подъ деревомъ лѣсного старика, скорчившагося. Замѣтивъ, что онъ дрожитъ и крѣпко „засмаркался“, она, изъ состраданія, оберла ему носъ своимъ передникомъ, и старикъ разсыпался передъ нею кучей серебра.

[*Ушицкій уездъ*]. Лѣсные люди — безъ одежды и обуви; они — косматые и ѣдятъ все, даже людей.

„Гдѣ-то возлѣ Москвы, пошелъ въ лѣсъ одинъ охотникъ, взявъ съ

собою жареную курицу, чтобы поѣсть, когда проголодается. Вдругъ явились къ нему два лѣсныхъ человекѣа, на подобіе барановъ, въ шерсти, отняли курицу, съѣли, и до самого охотника стали добираться. Но онъ имѣлъ ружье, и тѣ, вида, что ничего не подѣлають вдвоемъ, пошли звать на помощь себѣ товарищей, а охотникъ тѣмъ временемъ ушолъ“.

**„Сыроїды“.** [*Ушицкій уѣздъ*]. Есть люди съ одною рукою, ногою и однимъ глазомъ. Эти люди цѣпляются одинъ за другого и бѣгають такъ шибко, что отъ нихъ очень трудно уйти. Если они поймають какогонибудь человекѣа изъ обыкновенныхъ людей, то такого рѣжуть и ѣдятъ. Они называються „сыроїды“ и живутъ въ „Туретчині за Дунаємъ“.

„Въ селѣ Канустянахъ есть и теперь одинъ солдатъ, который попался было „сыроїдамъ“. Онъ, попавши къ этимъ людямъ, былъ имъ послушенъ: работаль усердно, копаль землю и коренья, такъ что они убѣдились, что солдатъ не уйдетъ. Однажды этотъ солдатъ пошолъ въ лѣсъ съ маленькимъ ребенкомъ своихъ хозяевъ, и ушолъ. Такъ какъ тамъ большіе лѣса, то онъ вынужденъ былъ нѣсколько ночей проводить на деревьяхъ. Нѣсколько сутокъ шолъ онъ, самъ не зная куда, но вдругъ натыкается на своихъ товарищей-солдатъ, и такимъ образомъ спасся“.

**Пигмен.** [*Луцкій уѣздъ*]. О пигмеяхъ говорятъ, что послѣ страшнаго суда настануть такіе люди-крошки, что двѣнадцать человекѣкъ будутъ молотить въ нашей обыкновенной печи.

**Богатыри.** [*Винницкій уѣздъ*]. „Була собі одна жінка, и вона не мала зроду дітей. И шла вона одынъ разъ дорогою и здыбала горошокъ, що качався по дорозі. Вона підняла ёго й зыла и стала важка (беременна). Уродився у неї хлопчыкъ. Ставъ той хлопчыкъ рости, и рісь у неї три роки. Якъ вінъ мігъ уже ходыты, то пішовъ разъ на двіръ гратыся и найшовъ три грошы. Прынісь вінъ їхъ до хаты, відавъ мамі и казавъ, щобъ вона купыла ёму цыганьську голку. Взявъ вінъ ту голку и пішовъ до коваля и казавъ ёму, щобъ зробывъ ёму таку палець, щобъ якъ кынуты її въ гору, и якъ вона буде летыты зъ горы вынзъ, підставыть мезынний палець, и щобъ вона, якъ вдарытыся въ палець, не переломылася. Коваль узавъ, зробывъ ёму таку палець, важыла вона сто пудъ. Коты-Горошокъ взявъ тую палець, підкынувъ у гору и підставывъ свій мезынний палець. Вона якъ ударылася такъ и переломылася. Вінъ тоді и каже ковалеві:

— Зробы мывні таку палець, щобъ уже важыла двісті пудъ.

„Коваль зробивъ, Коты-Горошокъ узявъ туя палецю и зновъ підклавъ її до горы, а самъ лігъ спаты, наказавшы ковалеві:

— Якъ буде шуміты и гудіты, щобъ ты збудывъ мене.

„Спавъ вінъ тры дні, а коваль стоить та слухае. Слухае коваль: шумьты, гуде, — Коты-Горошкова палеця летыть.

— Эй, Коты-Горошко! Годі спаты, вставай, будешъ підъ палецю палець підкладаты.

„Уставъ Коты-Горошокъ, дывытся: летыть палеця. Вінъ підклавъ свій палець, но палеця уже не переломылась. Коты-Горошокъ узявъ туя палецю и помандрувавъ зъ нею у світъ. Иде вінъ, иде та й иде, дывытця: сыдыть Верны-Гора межи горами и стулюе їхъ до купы. Побачывъ Верны-Гора Коты-Горошка и пытаеся:

— Куды ты йдешъ!

— На мандрівку иду.

— И я піду зъ тобою.

— Иды.

„Верны-Гора злізъ зъ тыі горы и пішовъ. Идутъ вони мылю, идутъ другую, дывляеся: сыдыть чоловікъ на верхъ ліса и своїмы усамы стынае верхы дерева. И той чоловікъ побачывъ ихъ и зачавъ пытаты:

— Куды вы йдете?

— У світъ.

— И я піду зъ вами.

— Иды.

„Злізъ вінъ и пішовъ за ними. Идутъ вони вже всі тры и зачавъ пытатыся едінъ другого: якъ вони звутця?

— Я — Коты-Горошокъ, каже одинъ.

— А я — Верны-Гора.

— А я — Пруды-Вусъ.

„И зачавы сміятыся зъ Коты-Горошка, що вінъ недужный: тылько горошокъ перевертае. Дывляеся вони: стоить хата въ лісі, вони и кажуть одинъ до другого:

— Идемъ мы до тоі хаты: якъ нема тамъ нікого, то будемъ мы сідіты.

„Прыходять вони до тоі хаты: есть въ ній істы й пыты, но няма нікого. Зачавы вони радытыся:

— Идімъ два на полювання, а одинъ нехай обідаты варыть.

„Пруды-Вусъ и Коты-Горошокъ пішли, а Верны-Гора остався дома. Отъ уже и обідъ зваренный, Верны-Гора слухае, крычыть Баба:

— Відчыны.

- Не відчыню.
- Відчынны, бо хату переверну.
- „Вінъ узавъ и відчынввъ.
- Пересады черезъ порігъ. Вінъ пересадывъ.
- Высады мене на прыпчоць. Высавывъ.
- Кажы казкы.
- Не вмю.
- Кажы байкы.
- Не смю.
- Кажы, сякой-такой, небылиці, бо буду пасы дерты відъ нігъ до головыці.

„Взяла Баба здерла зъ нёго пасъ и потерла ёму плечы ячмінною подовою, а зъ горшкѣвъ все повыідала и въ горшки понапаскудовала, а сама втікла. Вінъ повымывавъ горшки и зновъ почавъ обідать варыты, но ты прыйшли зъ полювання. Пруды-Вусъ и говорыть:

— Вінъ негоденъ зправлятыся, нехай но я зостанусь завтра.

„А Верны-Гора и не каже, що ёму було одъ Бабы. На другый день уже Пруды-Вусъ остаеця дома. Якъ тылько вінъ зварывъ обідать, ажъ слухае, крычыть Баба:

- Відчынны.
- Я тобі не відчыню.
- Відчынны, кажу тобі. — Вінъ одчынввъ.
- Пересады черезъ порігъ. Пересадывъ.
- Высады на прыпчоць. Высавывъ.
- Кажы казкы.
- Не вмю.
- Кажы байкы.
- Не смю.

— Кажы, сякой-такой, небылиці, бо буду драты пасы відъ п'яты до головыці.

— Не знаю.

„Вона и зъ цімъ зробыла таьже. Прыйшли ты зъ полювання, ажъ и ще обідъ неготовый!

— Эй, закрычавъ Коты-Горошокъ. Негодні вы справлятыся. Нехайно я останусь на завтра обідать готуваты!

„Остаеця вінъ дома, а ті пійшли. Зварывъ Коты-Горошокъ обідъ, слухае — крычыть Баба:

- Відчынны.
- Не відчыню, вража Бабо!

ловыці  
пасы  
Дывлю  
шпакы  
стромля  
істы. Я  
бердын  
пасеця  
за пояс  
оглянув  
збывъ  
ажъ той  
я скрізь  
горохъ  
половы  
Якъ зач  
візьму,  
нубъ та  
въ колоб  
ёму за х  
урвавъ х  
Я якъ п  
далеко, в



— Відчини, бо хату переверну.

— А ну, ну!

„Нічого робить, одчинила сама.

— Пересады через порігъ.

— Сама перелізешъ.

— Высады на прыпечокъ.

— Не маленька, сама злізь.

— Кажы казкы.

— Скажу.

— Кажы байкы.

— Скажу.

— Кажы, сякой-такой, небылиці, бо буду драты пасы одъ нігъ до головыці.

— Я буду казаты, но котре котрому перше скаже: „брешешъ“, съ того пасы драты.

„Почавъ вінъ розказуваты:

— Отъ якъ я одного разу ходывъ по лісі та дуже захотівъ істы. Дывлюсь: печені шпаки летять въ дупло. Ставъ я и думаю: якъ бы я тыі шпаки доставъ? Вылізь я на дуба до самого дупла, стромляю руку — не влізе, стромляю голову — не влізе. Коны я попробувавъ, та й самъ улізь. Зачавъ істы. Якъ наівся, та й не мігъ вылізты. Побігъ я до мельныка, позычывъ бердынкы (маленькій топоръ), прорубавъ дупло та й вылізь. Иду я и бачу: пасется дядькова кобыла. Я сівъ на нюю та й іду, а бердынку застромывъ за поясъ зъ-заду. Я кобылою „тюпъ-тюпъ“, а бердынка „цюкъ-цюкъ“. Я оглянуся, а задъ ірже за передомъ. Я вставъ, прывівъ задъ до переда та й збывъ вербовымъ кынккомъ, и зновъ сівъ на кобылу та й іду. Оглянувся я, ажъ той кілъ вырісь до неба: я по тій вербі вылізь ажъ на небо. Пішовъ я скрызъ по небі.... Тамъ не такъ роблять святі, якъ мы робымо: выбирають горохъ изъ половы, я імъ показавъ, якъ ёго віаты, а вони за те дали половы на матузокъ. Я зъ тыі половы зсукавъ матузокъ, щобъ злізты зъ неба. Якъ зачавъ я лізты и короткый матузокъ нессягавъ ажъ до землі, то я візьму, въ горі урву, а внызу доточу, по недалеко до землі я взявъ и скокнувъ та й понавъ въ колобатыну (тошкое, болотистое мѣсто). Якъ понавъ я въ колобатыну та й не мігъ вылізты. Прыходять до мене левъ, я вчепивъ ёму за хвистъ и якъ кречу: „а ты чого тутъ“? Вінъ якъ шарпне та й урвавъ хвистъ, а мене такы не вытргнувъ. Після прыходять до мене заецъ. Я якъ пійму ёго за хвистъ, а вінъ якъ піде зо мною, вывізь мене такъ далеко, верстовъ за тры, ажъ такъ я вылізь зъ тыі колобатыны.

„А та відьма питається:

— А мій тато що на небі робить?

„А Покоты-Горошко и каже:

— Твій тато мого тата на двіръ возить.

— Брешешъ!

„Вінъ тоді взявъ її за косы, забывъ у пень, а самъ пішовъ у світъ“.

[Ушлицкій уездъ]. О богатыряхъ „Верны-Горѣ“ и „Коты-Горошкѣ“ народъ говорить, что они и теперь живутъ въ „Туретчыні“.

[Грубешовскій уездъ]. О существованіи нѣкогда людей съ огромнѣйшею силою сохранилось непоколебимое вѣрваніе. Рассказываютъ, что когда-то жилъ силачъ Иванъ-Верны-Гора, который, будучи семи лѣтъ отъ роду, переворачивалъ мезиннымъ пальцемъ горы.

„Велытні“. [Ушлицкій, Литвинскій, Грубешовскій и Луцкій уезды].

„Велытні“ или великаны существовали только до потопа. Когда начали появляться настоящіе люди, то допотопный человекъ, нашедши однажды на полѣ плугъ съ шестью волами и „плугаторомъ“, забралъ все это на свою ладонь, принесъ въ отцу и просилъ его объяснить, что это за червячки? Отецъ объявилъ ему, что послѣ нихъ (т. е. отца съ сыномъ) будутъ на землѣ такіе точно люди.

**Баба-Яга.** [Винницкій уездъ]. Народъ представляетъ Бабу-Ягу столѣтнею старухой, ужасно злою.

### Олицетворенія.

**Доля.** [Винницкій уездъ]. Доля — судьба или счастье человека, работающее за него.

„Було собі два брати: еденъ богатый, а другый бідный. Разъ вийшовъ бідный на поле свого брата и бачить, що по полю ходить якась жінка, збирає колоски и втыкає въ снопы. Отъ вінъ и пытається:

— Хто ты така?

— Я доля твого брата.

— Де жъ моя доля?

— Отъ тамъ лежить підъ грушею.

— Що жъ їй зробити, щобъ вона була така рабоча, якъ ты?

— Отъ я тебе наражу: візьми добрый кыєкъ и пійди підъ ту грушу

и, п  
тобі,  
біда  
вінъ  
нищо  
жінка  
це за  
у шья  
жінка  
чить  
[  
прастн  
С  
тощею,  
ступомъ.  
вѣка.  
у ногъ  
нзбѣжно  
смерть  
ставить  
смерти и  
[В  
ценными  
висься от  
Кажь  
бенно солд  
„Бувъ  
царю земно  
— Д  
царю небесн

и, підкравшись до неї, піймай и бий скылько можеш и приговорюй: „оце тобі, лыхая доле, за тее, що не йдеш у поле роботы на мене, вже зовсім біда насила; помагай мыні, бо вбью“.

„Вінъ пошовъ та такъ и зробывъ и після того все ёму стало добре и вінъ скоро зробывся ще багаччымъ одъ брата“.

„П'ятныця“. [*Каневскій уездъ*]. „У одному селі жинка сіла у п'ятныцю ткать полотно. У хаті вона була одна. Коли се приходять у хату жінка-П'ятныця: взяла, зідрала тыеі жінкы шкуру и повісила її на верстаті; це за те, що вона ткала въ п'ятныцю“.

[*Остерскій уездъ*]. „П'ятныця, то це така молодыця. Вона ходыть у п'ятныцю по хатахъ и дывытся: хто пряде зъ жинобъ. Якъ побачыть що жинка пряде, то вона зробыть такъ, що тій прясі на обохъ рукахъ покорчыть пальці.“

[*Переяславскій уездъ*]. „У десяту п'ятныцю, послі велькедня, не можна прясты и шыть.“

**Смерть.** [*Литинскій уездъ*]. Смерть представляють женщиною-старухою тощею, съ большими зубами, костлявыми руками и ногами, съ косой и заступомъ. Эта женщина-смерть всегда стоить въ головѣ умпрающаго чело-вѣка. Она приходитъ къ нему еще во время его болѣзни, и если станеть у ногъ постели, то больной можетъ еще надѣяться на выздоровленіе; но неизбѣжно нужно разстаться съ жизнью тому больному, у постели котораго смерть станеть въ изголовьи; стараются, поэтому, за изголовьемъ больного ставить крестъ или икону и святую воду, думая тѣмъ занять тамъ мѣсто смерти и заставить ее стать въ ногахъ больного.

[*Винницкій уездъ*]. Смерть - женщина — въ бѣлой рубашкѣ, съ распущенными волосами. Она невидимо вынимаетъ изъ чело-вѣка душу; изба-виться отъ нея невозможно, что доказывается слѣдующей пѣсней:

Смерте жъ моя, смерте,

Та не дай мыні вмерты;

Зожды жъ мыні хочъ годину:

Нехай зберу всю родину.

Какъ смерть ни хитра, но бываетъ иногда обманываема людьми, а осо-бенно солдатами, что доказывается слѣдующая сказка:

„Бувъ собі москаль, прослужывъ вінъ на службі двадцать п'ять літъ царю земному. Отъ и дума:

— Дежъ я теперъ дінусь? Піду ще двадцать п'ять літъ служыть царю небесному.

„Добывся вінъ до раю и стоить у Бога на часахъ. Ажъ ось иде смерть, а вінъ говорять до неї:

— Кудя, паршивая?

— До Бога.

— Зачѣмъ?

— Якѣхъ мнѣ Богъ людей позволить душить.

— Стой здѣсь, безребрая, я самъ пойду, доложу и спрощу.

„Получывъ москаль одъ Бога позволення для смерти сімъ лѣтъ душить старіхъ людей. Пришовши до смерти, вінъ, не сказавъ правды, але:

— Велѣлъ тебѣ Богъ семь лѣтъ старыя дубы грызть.

„Самъ бувъ чоловікъ немолодой, то може и злякався, щобъ и ёго не задушыла. Пішла смерть, грызла сімъ лѣтъ дубы и зновъ иде до Бога.

— Кудя, паршивая?

— До Бога.

— Зачѣмъ?

— Щобъ сказавъ якѣхъ мнѣ людей морыты.

— Стой здѣсь, безребрая, я самъ пойду, доложу и спрощу.

„Получывъ москаль для смерти позволення сімъ лѣтъ маленькыхъ людей морыты.

— Велѣлъ тебѣ Богъ семь лѣтъ молоденькія дубки грызть.

„Пійшла смерть и грызла сімъ лѣтъ молоденькы дубкы. Приходять зновъ до Бога, зновъ москаль не пускае її: пішовъ самъ и, одыбравшы позволення сімъ лѣтъ середніхъ грызты людей, зновъ не сказавъ правды.

— Велѣлъ тебѣ Богъ семь лѣтъ молодыя, среднія дубы грызть.

„Смутно, чуть-чуть пійшла смерть и грызла сімъ лѣтъ середні дубы и прійшла зновъ до Бога. Богъ, якъ забачивъ її, то ажъ злякався и пытається:

— Чого ты така худа стала?

— А де жъ, колы ты мнѣ казавъ двадцать одинъ годъ дубы грызты.

— Якъ? що? колы? Я завше прыказувавъ черезъ москаля якѣхъ маешъ людей грызты, то то вінъ тебе обманювавъ.

„За таку провину москаля Богъ велівъ ёму сімъ лѣтъ на плечахъ смерть носыты, куды вона ёму скаже. Нема що: Богъ казавъ, то треба сповняты: бере и носыть її два роки. Але одного розу сівъ вінъ и начавъ нюхаты табаку, а смерть, сыдячы у него на плечахъ, и пытається:

— Що ты робышь?

— Табакъ нюхаю.

— Дай же й мнѣ.

„Смерть перекинулась мухою и влетила въ табатерку, а москаль на-

брывкою „хлопъ“ и замкнувъ смерть! Носывъ її тамъ решта п'ять роківъ. Бачыть Богъ, що москаль таки штуку доказує надъ смертю, велівъ ёму ити куда хоче:

— Иды собі, москалю, або въ пекло, або въ рай.

— Ну, ты играй, я буду танцовать.

„Пішовъ москаль въ рай и пытается ангелівъ:

— Что, дѣвка есть?

— Нѣтъ.

— Водка есть?

— Нѣтъ.

— Трубка есть?

— Нѣтъ.

— Вотъ тебѣ-на! ничего хорошаго нѣтъ; да-ка я запалю свою трубку.

„Якъ запалывъ, всі янголы повтікалы изъ раю. Пославъ Богъ москаля въ пекло. Якъ тылько вінъ прійшовъ туды, заразъ и пытается у чортівъ:

— Что это такое?

— Пекло.

— А, значить, тутъ тепло!

„Обходявъ москаль свою квартиру и бачыть, що грішны души кыплять у котлі и пытается:

— Что это переворачивается?

— Грішны души.

— А, галушки, ну, давай, будемъ есть.

„Зачавъ вінъ забиваты цвяшмы, де вінъ ружжо повісыть, де амуныцію, де ліжка поставыть; чорты перелякалысь и думаютъ:

— Якъ бы такъ прогнаты москаля намъ?

„Забыли молодого чортыка, зідралы зъ него шкуру и зробылы барабанъ. Якъ почувъ москаль барабанъ, заразъ зхватывъ всі свої вещи и крычучы: „походь, походь“, — выбігъ зъ пекла! Якъ тылько що выбігъ, чорты двері „хлопъ“, и zostавсь москаль на дворі. Що тутъ робыть? Заразъ иде москаль до Бога, а Богъ ёму сказавъ:

— Колы ты такой непокірный, що нігде не можешъ ужытысь, то иды собі зновъ на той світъ“.

[Ушинскій и Переяславскій уызды]. Смерть приходитъ къ умирающему, въ видѣ скелета челоуѣческаго, съ косою въ рукахъ, которою и умерщвляетъ.

Хожденіе мертвецовъ. [Виннискій уыздъ]. Злые люди, живя на землѣ, привязываются еъ кому нибудь и, по смерти, посѣщаютъ предметы

своей привязанности. Матери навѣщаютъ своихъ дѣтей, вымываютъ и вычесываютъ ихъ, даютъ имъ разныя наставленія. Любовники не перестаютъ любовничать и послѣ смерти.

**Рахманы.** [*Литвинскій уѣздъ*]. „Рахманы“ — христіане. Они не имѣютъ собственнаго счисленія времени, и потому празднуютъ пасху тогда, когда доплыветъ къ нимъ скорлупа яйца. Вслѣдствіе этого существуетъ въ народѣ обыкновеніе выбрасывать въ великую субботу въ рѣку скорлупы яицъ, которыя доплываютъ къ „Рахманамъ“ черезъ три съ половиною недѣли, и „Рахманы“ тогда только празднуютъ пасху.

[*Ушиц., Луцк. и Остерск. уѣзды*]. „Рахманы“ живутъ подѣ землею, и, когда къ нимъ доплыветъ скорлупа изъ „бращанки“, тогда они празднуютъ пасху. Эта скорлупа приплываетъ къ нимъ на преполовеніе и называется „рахманьскимъ велькоднемъ“.

### Пѣснь о страшномъ судѣ.

(*Стецкій, Волын., т. I.*)

Когда часъ прыходить, же треба умирати,  
Хоть яке богатство треба покидати,  
Часъ-годына уплыває,  
Страшный судъ ся приближає,  
Готуймося всі!  
Якъ покаже Христось небо,  
Же праведнымъ ясно,  
То той часъ всімъ грішнымъ дивытсы страшно,  
Очи будуть закрывати,  
Бо большій страхъ будуть маты.  
Якъ зйде Христось,  
Огненні ріки будуть клекотаты  
И скверную землю очищаты,  
Піднесутся підъ небеса  
Крыжемъ падемы, острахнемы  
Время Господне.  
Ой на штырі часті анголы затрублять,  
Въ той часъ всіхъ умерлыхъ въ гробахъ збудять:  
Всі умерши вставайте,  
Отвѣтъ Богу отдавайте  
Творцю своему.  
Грішний чоловіче, що маєшь діяти,  
Въ той часъ не одкушыть ні отець, ні маты.

### Страш

горітьме и  
на землю. У  
тыліткымы,  
літь, трыдц  
людьми съ  
істочки, пн

— Ком

істы й пыты  
собою и пове  
водою. А як  
одступыть. П  
здоватымутся  
Петро. И Бо  
во единого Б  
тобі“, то то з  
и судытyme  
скаже „одесну  
Ті, що понад  
выратувать біл

### Болѣзни.

рають въ образ  
превращаться в  
съ пицею, неме  
дующую легенду

Волівъ бы я не родитьця,  
Нижъ въ пеклі смажытьця  
За гріхі свої.  
На Сафатовой долині зыйдутся люде,  
То тамъ пріятельство вітатыся буде,  
Когда кривнуть всі святи:  
Одыйдіте, прокляты,  
Въ пропасть огненную.  
А мы, хрыстыяне, грішить перестаньмо,  
Предъ Сотворителемъ кржомъ упадаймо,  
Жебъ намъ гріхі живо дароваты,  
Лице ёго оглядаты  
Въ небі на вікі!

**Страшный судъ.** „Якъ буде Страшный Судъ, то тоді уся земля горітьме и вода кипитьме, а небо скотытся у клубочокъ и впаде до долу, на землю. Усі мертві повстають изъ ямъ своїхъ и всі вони стануть трыдцатылітеамы, и старе, и мале, хтобъ яемъ не вмеръ, усі стануть однаковихъ літь, трыдцатылітеамы. Чортъ нарядытся Богомъ и ходытьме скрізь по-міжъ людьми съ камнемъ и золою у рукахъ; до жадного, хто крчытатыме: „ой, источеи, пыточки“, — вінъ прыставатыме и пытатыметя:

— Кому ты віруешъ: Богові, чи чортові? Повіруй мыні, ось я дамъ тобі істы й пыты. Якъ скаже та людына: „вірую тобі“, то вінъ возьме її зъ собою и поведе її у пекло. Той камінь здоватыметя людыні хлібомъ, а зола водою. А якъ відкаже ёму людына: „вірую во единого Бога“, то чортъ и одступыть. И Богъ ходытьме по-міжъ людьмы, носытьме хлібъ и воду, а здоватымутся вони людыні камінемъ и золою. Зъ нымъ ходытьме и святий Петро. И Богъ пытатыме жадного: „кому ты віруешъ?“ Якъ одкаже: „вірую во единого Бога“, то тоді вінъ дастъ ёму істы й пыты, а якъ скаже: „вірую тобі“, то то значыть повірыла вона чортові. Після того Богъ сяде на весельці и судытьме людей. Передъ нымъ постають усі люде. Тоді, кому Богъ скаже „одесную“, той пійде у рай, а кому скаже „ошую“, той — у пекло. Ті, що попадутъ у пекло, будутъ кыпїть тамъ у смолі, але ихъ може вырятувать бїльшь ніхто, якъ тилько ихъ хрещені діты-хлопці“.

**Болѣзни.** 1. Лихорадка. [*Литвинскій уездъ*]. Лихорадку олицетворяють въ образѣ молодой и красивой дѣвушки, которая обладаетъ способностью превращаться въ воздухъ. Человѣкъ, проглотившій этотъ воздухъ, вмѣстѣ съ пищею, немедленно заболѣваетъ. Въ подтвержденіе рассказываютъ слѣдующую легенду:

„Однажды мужикъ встрѣтилъ на дорогѣ двухъ дѣвицъ-лихорадокъ, которыя, не замѣчая его, вели между собой такой разговоръ. Одна изъ нихъ говорила „я пойду къ такому-то богатому господину, онъ особенно любить пить вино, и постараюсь, чтобы онъ съ виномъ выпилъ и меня“. Другая же отозвалась: „а я пойду къ такому-то бѣдному человѣку“, къ тому самому, который незамѣтно шолъ за ними и слушалъ ихъ разговоръ. Тутъ первая отозвалась: „какъ же ты это сдѣлаешь?“ — „Не безпокойся, отвѣчала вторая; я очень хорошо знаю мысли того мужика: онъ едва только переступитъ порогъ своего дома, какъ закричитъ къ своей женѣ: „жінко, вары галушки, бо дуже мнѣ їхъ хочеться“, и, съ первою галушкой, онъ непременно проглотитъ меня.

„Мужикъ, когда пришелъ домой, то дѣйствительно сильно пожелалъ съѣсть галушекъ. Когда галушки были поданы на столъ, мужикъ взялъ первую галушку, бросилъ въ заранее приготовленный мѣшокъ и завязалъ его веревкою. вмѣстѣ съ галушкою, мужикъ поймалъ лихорадку и повѣсилъ ее въ трубѣ, чтобы она окоптилась дымомъ. Долго висѣла тамъ лихорадка и долго поэтому не было ее между людьми; но мужикъ, побуждаемый любопытствомъ увидѣть, что сдѣлалось съ лихорадкой, неосторожно развязалъ мѣшокъ и упустилъ лихорадку. Отсюда повѣрье, что всѣ прихоти больного лихорадкою есть дѣло овладѣвшей имъ дѣвицы-лихорадки.

2. *Холера*. [*Грубешовскій и Литинскій уѣзды*]. Холеру представляютъ въ образѣ женщины, расхаживающей по сѣнямъ и городамъ, въ одной рубашкѣ, съ распушенными волосами. Она постоянно плачетъ, и тамъ, гдѣ услышатъ ея вой, неизбѣжно слѣдуетъ смертность.

3. *Чума*. [*Литинскій уѣздъ*]. Чуму олицетворяютъ въ образѣ богатой госпожи, разѣзжающей въ экипажѣ, запряженномъ шестью бѣлыми лошадьми, за которыми всегда бѣгутъ борзые собаки. Подѣзжая къ какому нибудь дому, чума предварительно спрашиваетъ подъ окошкомъ: „а чы есть чума въ домѣ?“ И если живущіе имѣютъ неосторожность отвѣтить, что нѣтъ, то сейчасъ же заболѣваютъ и умираютъ. Для отвлеченія вниманія чумы, вынимаютъ во всѣхъ домахъ оконныя рамы, жалая тѣмъ выразить, что въ тѣхъ домахъ не живетъ никто и чумѣ нѣтъ надобности быть тамъ. Чума очень богата и хитра. Она разбрасываетъ по дорогѣ и по улицамъ различныя цѣнныя вещи и даже деньги и, если кто рѣшится поднять хотя одну изъ такихъ вещей, тотъ умираетъ.

[Ушицкі  
веревки, котор  
будетъ въ пре  
сама не порвет  
„Одинъ п  
могъ на ней ж  
вѣяцу, возлѣ д  
разъ тамъ влѣ  
просить на сва  
вился испраши  
волшебную, и ж  
убѣжалъ въ лѣ  
повелѣнію св. І  
ную ему овцу,  
стѣе, овцы нач  
тамъ дѣлается.  
оборвалъ ее. О  
хозяевамъ, и ов  
[Литинск  
превращать дру  
уже не существу  
Въ настоя  
скалы, камни и  
проклятіи дѣтей  
[Холмскія  
знающихся съ в  
шевленные предм  
[Литинскій у  
превращаются въ  
ваемые особенно  
становятся опять  
такъ:  
„Одна крес  
уже приготовил  
другому и чрезъ



## Превращенія.

[*Ушницкій уездъ*]. Превращенія совершаются посредствомъ волшебной веревки, которую превращенному навязываютъ на шею, и до тѣхъ поръ онъ будетъ въ превращенномъ видѣ, пока кто не сниметъ этой веревки, или она сама не порвется.

„Одинъ шляхтичъ любилъ дѣвушку, но, по какимъ-то причинамъ, не могъ на ней жениться, а женился на другой. Когда онъ ѣхалъ уже къ вѣнцу, возлѣ дома первой своей возлюбленной, то, вспомнивъ, что онъ не разъ тамъ ѣлъ и пилъ, зашелъ попросить у матери ея благословенія и вмѣстѣ просить на сватьбу. Мать той дѣвушки была волшебница, и когда онъ наклонился испрашивать благословенія, она навязала ему на шею веревку, конечно волшебную, и женихъ, вышедши изъ ея дома, тотчасъ превратился въ волка и убѣжалъ въ лѣсъ. Въ этомъ видѣ онъ пробылъ полтора года. Когда же, по повелѣнiю св. Николая, ему велѣно было залѣзть въ хлѣвъ и взять указанную ему овцу, а онъ не захотѣлъ той овцы, а выбиралъ, которая показистѣе, овцы начали биться въ хлѣвѣ, и хозяева пришли посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Онъ хотѣлъ уйти, но какъ-то зацѣпился этою веревкою и оборвалъ ее. Онъ тотчасъ сдѣлался опять человѣкомъ, рассказалъ все тѣмъ хозяевамъ, и они накормили и напоили его“.

[*Литинскій уездъ*]. Говорятъ, что когда-то были такіе люди, что могли превращать другихъ людей въ скалы, камни и проч., но теперь такіе люди уже не существуютъ и о нихъ остались только преданія въ сказкахъ.

Въ настоящее время, по народному вѣрованiю, превращенія людей въ скалы, камни и проч. могутъ быть только вслѣдствіе наказанія Божія, при проклятiи дѣтей родителями.

[*Холмская Русь*]. Есть люди, которые, по своей волѣ или по волѣ знающихся съ нечистою силой, превращаются въ разныхъ животныхъ и въ неодушевленные предметы. Секретъ превращеній неизвѣстенъ.

[*Луцкій уездъ*]. Колдуны, посредствомъ кувырканья нѣсколько разъ, превращаются въ „вовулаковъ“, бѣгаютъ и дѣлаютъ большой вредъ, вызываемые особенною мезтью къ кому либо, а потомъ опять перекидываются и становятся опять людьми. О превращеніи людей въ волковъ рассказываютъ такъ:

„Одна крестьянка хотѣла выйти замужъ за извѣстнаго ей парня и онъ уже приготовился къ сватьбѣ; между тѣмъ она измѣнила ему и дала слово другому и чрезъ нѣсколько времени повѣнчалась съ нимъ. Тогда сторона

перваго парня сдѣлала таѣ, что всѣ бывшіе на сватьбѣ превратились въ волковъ и побѣжали въ лѣсъ“.

Говорять, что у одного человѣка видѣли израненныя руки и ноги отъ того, что когда онъ былъ превращенъ въ волка, то бѣгалъ на рукахъ и ногахъ.

Есть люди, могущіе человѣка, превращеннаго въ волка, обратитъ опять въ человѣка. Для этого у нихъ есть скатерть, которая три раза лежала на столѣ въ праздникъ Пасхи. Берутъ эту скатерть, кладутъ на землѣ и гоняютъ мнимаго волка, чтобы онъ три раза перескочилъ черезъ эту скатерть, послѣ чего онъ превратится опять въ человѣка.

„Одна женщина была недовольна на свою сосѣдку, пришла къ ней ночью, забрала ходившихъ по двору утокъ и, погнавши къ себѣ, заперла ихъ подъ печью. Потомъ опять отправилась къ сосѣдѣ, чтобы еще уворовать что либо. Между тѣмъ сосѣдка, подсмотрѣвши все это, заперла ее въ сарай, позвала на помощь сосѣда, и они, поймавши уже не женщину, а собаку, отрубили ей на передней ногѣ пальцы. На другой день хозяйка узнала, что ея утокъ нѣтъ дома. Она приходитъ къ сосѣдѣ и видитъ, что утки ея загнаны подъ печь, а сама сосѣдка лежитъ на печи и стонетъ. На вопросъ пришедшей „что съ ней“, та отвѣчала, что ошпарила себѣ кипяткомъ руку. Но она лгала: у нея были отрублены пальцы“.

„Говорять, что одна женщина бросила въ воду родное дитя и сказала: „да будешь ты два года ракомъ“, и дитя дѣйствительно сдѣлалось ракомъ; но, по прошествіи одного года и шести мѣсяцевъ, одна молодая дѣвушка брала воду, съ водою вытащила и мнимаго рака, заговорившаго къ ней человѣческимъ голосомъ, что онъ обращенъ въ рака своею матерью“.

[*Винницкій уездъ*]. „Одна мать послала свою дочь полоть ленъ, съ условіемъ, чтобы и домой не приходила, если не выполеть его. Дѣвушка, задумавшись, стала надъ урочною работою. Мать, желая удостовѣриться, прилежно ли работаетъ дочь надъ заданною ей работою, пошла посмотреть и, къ неудовольствію, увидѣвъ ее совершенно праздною, — сказала: „ото поле! (вотъ какъ полеть) бодай же ты, доню, полола въ чуді та въ дыві“. Испугавшись этихъ роковыхъ словъ, дѣвушка сказала: „Я то полю, то стою“, какъ бы таѣ говоря: „я тополею стою“ (дѣлаюсь), и вдругъ, при этихъ словахъ, на глазахъ матери, „къ чуду и дыву“, ея дочь-дѣвушка стала выростать въ стройную, красивую тополь. Такъ и не выполола дочь льну, и не пришла домой на-вѣки. Мать стала плакать по ней, приговаривая: „дочко жъ моя, тополе моя!“